

СТАРИКЪ ГОРІО.

РОМАНЪ,

СОЧИНЕНІЕ БАЛЬЗАКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. СМІРНОВА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРАХЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурной Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 23 дня, 1839 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Смирновъ*.

СТАРИКЪ ГОРЮ.

—

Къ концу той же недѣли, Распичьякъ получилъ два письма, одно отъ мапери, другое отъ старшей сестры. Онъ заставили его, запрепешань и съ радости и со спраху. Въ энихъ двухъ бумажкахъ заключался приговоръ на жизнь и на смерть всѣхъ надеждъ его, всей его будущности. Дрожащими руками распечатавъ онъ письмо отъ мапери: она увѣдомляла,

что опсправила съ дилижансомъ шысячу двѣспи франковъ, о кошорыхъ просилъ Евгеній, и разсказывала какихъ шрудовъ споило ей, бѣдняжкѣ, собрать эши деньги, даже при содѣйспвіи доброй его шешки.

Распиньякъ заплакалъ. Онъ вспомнилъ о Горіо, кошорый ломалъ свое серебро, чтообы уплашитъ дочернинъ вексель. — Твоя машъ поже изломала серебро свое! Тешка швоя продала свои спаринныя, священныя для нея вещи! Какое же право имѣешь ты проклинать Анастасію? Ты сдѣлалъ для своей себялюбивой будущности поже самое, что она для своего любовника! Кто же изъ васъ лучше? Ты, или она?

Вся внушренность Распиньяка торѣла. Онъ хошѣлъ уже опсказаться опъ большаго свѣша, опослалъ назадъ деньги. Онъ испыщивалъ шѣ благородныя, шайныя угрызения со-

вѣспи, кошорыхъ люди не умѣюшъ цѣнишь, судя о себѣ подобныхъ, но за кошорыя ангелы небесные оправдываюшъ иногда пресшупниковъ, осужденныхъ на землѣ.

Распиньякъ распечашалъ письмо сеспры и веселія, милья выраженія эшого письма освѣжили его сердце. Лора забавно и просшодушно описывала, какъ онѣ съ сеспрыо образовались, что могли опдашь ему сбереженныя ими деньги; какъ онѣ хиприли, чтошбы пошихоньку опшь мащери, снесши свои присша пятьдесяшь франковъ въ кошпору дилижансовъ: за шѣмъ слѣдовали ихъ желанья, надежды, мечшы о блестящей будущности любимаго ихъ браша, и прочая.

О, да!—сказалъ самъ себѣ Евгеній:—во что бы то ни спало, я долженъ добисься блестящей будущности и богашства! Ни какія сокровища

не заплашашъ за эту преданность. Лора совѣдуетъ мнѣ сшить на ея деньги бѣлье, она права: у меня бѣлье такое шолсовое. Спранное дѣло! для счастья другаго дѣвушка спановишя хипрѣ вора. Невинная для себя, она предусмотрительна для меня. Милая моя! она, какъ ангелы, кошорые прощающъ земные прощупки, не посшигая ихъ.

Распиньякъ воображалъ, что уже весь свѣтъ принадлежишъ ему. Онъ призывалъ поршнаго, испышалъ, завоевалъ его. Увидѣвъ Г. Траля, онъ посшигъ, какоевліаніе имѣешъ поршной на жребій молодаго человека. Тушъ нѣтъ середины—поршной или смерщельный врагъ, или благодѣшельный другъ, посланный намъ судьбою. Евгеній, къ счастью, попалъ на художника въ своемъ родѣ, на человека, кошорый посшигалъ всю важность своего назначенія и почи-

палъ себя рѣшишелемъ будущности молодыхъ людей. За то благородный Распиньякъ прославилъ эшого поршнаго одною изъ шѣхъ оспрошъ, на кошорыя онъ въ послѣдствіи былъ шакой масперъ.

— Я знаю два его фрака, — говаривалъ онъ, — кошорые женились на двадцати тысячахъ годового дохода.

Полшоры тысячи франковъ и полный гардеробъ! Съ эшимъ нашъ Ангилемецъ не боялся уже ничего насвѣшъ, и пошелъ завпраканъ съ шѣмъ невыразимымъ видомъ, кошорый принимаетъ на себя студенишъ, когда у него еснъ, деньги.

Черезъ нѣсколько минушъ явился въ сподовую архивельщикъ изъ кошоры дилжансовъ и подалъ Распиньяку два мѣшка съ деньгами и разсылную книгу. Вопренъ бросилъ на него

взглядъ, кошорый какъ кнушь обвился вокругъ Евгенія.

— Теперь вамъ будешъ чѣмъ зацлапишь за уроки фехшованья и спирѣлянья,— сказалъ онъ.

«Ого! видно корабли пришли,» сказала Г-жа Воке, взглянувъ на мѣшки.

Дѣвица Мишоно не смѣла посмопрѣшь на деньги, боясь обнаружитъ свою жадносшь.

— У васъ, видно, добрая мапушка,— сказала Г-жа Кушюръ.

— У васъ добрая мапушка,— сказалъ Г. Поаре.

Умъ Г. Поаре соспоаялъ въ шомъ, что онъ переводилъ послѣднія слова шого, кно говорилъ передъ нимъ.

— Да, видно маменька-шо собрала послѣднія свои крохи! сказалъ Вошренъ. Теперь вы можете дурачитъ сколько угодно, опличатъ въ большомъ свѣшѣ, искашь приданыхъ,

и танцовашь съ графинями. Только послушайшесь меня, Г. Распиньякъ, учишесь, спрѣляшъ!

И, говоря эшо, онъ прицѣлился.

Распиньякъ хотѣлъ дасть наводку арпельщику, но не нашель въ кманѣ у себя ничего. Вопрентъ бросилъ франкъ посыльному, и сказа Евгенію.

— Теперь вамъ можно повѣришь въ долгъ.

Распиньякъ принужденъ былъ поблагодарить его, хошя съ шѣхъ поръ какъ они поспорили за обѣдомъ о шарикѣ Горію, послѣ разговора Евгенія съ Г-жею Босеанъ, эшошъ чедовѣкъ спалъ ему несносень. Всю недѣлю они почши не говорили между собою и молча другъ друга наблюдали.

Голова Распиньяка была одна изъ шѣхъ, кошорья всегда наполнены порохомъ, и производяшъ взрывъ

при первой искрѣ. Умственное его зрѣніе было также ясно и дальновидно, какъ и его рысьи глаза. Пришомъ, въ послѣдніе нѣсколько дней, въ немъ развилось множество новыхъ качествъ, дурныхъ и хорошихъ.

урныхъ преобладали ошъ него свѣшъ и посшепенное исполненіе его возрасшающихъ желаній. Въ числѣ хорошихъ его качествъ, была ша полуденная живость, кошорая зашавляетъ челошъка лѣзшъ прямо на преграду, чшобы сокрушитъ ее, и не позволяешъ уроженцу за-Дуарскому ошаванься въ недоумѣніи или нерѣшимости: жишели съвера почишаютъ эшо качество недосшашкомъ, помня, чшо хопя оно послужило къ возвышенію Мюраша, но оно же было и причиною его гибели. Если сынъ полудня умѣешъ присоединитъ хипросшъ съвернаго Француза къ дерзосши Ладдзарона,

онъ дѣлаешся Императоромъ Французовъ. Ясно, что Распицьякъ не могъ долго осмѣиваться подъ выспрѣлами башарей Вопрена, не добившись, другъ онъ ему или недругъ. По-временамъ, ему казалось, что эпошъ человекъ проникаешъ въ его спрашни, и безъ запинки читаешъ въ его сердце, между-шѣмъ какъ у него самого все такъ хорошо закрышо, что онъ походилъ на сфинкса, который все знаешъ и ничего не говоришъ. Евгенийъ безъ денегъ терпѣлъ. Евгенийъ съ деньгами спалъ мяшежникомъ.

— Подождитте немножко,—сказалъ онъ Вопрену, когда шопъ, допивъ свой кофе, вспалъ, чтобы ишти.

— За чѣмъ?—спросилъ Вопрень, надевая свою шляпу съ широкими полями, взявъ свою желѣзную палку, и помахивая ею какъ человекъ,

кошорый не побоялся бы и полдесятка разбойниковъ.

— Я расплачусь съ вами, — отвѣчалъ Распашнякъ, поспѣшно развязавъ одинъ мѣшокъ и опсчитавъ Г-жѣ Воке сто сорокъ франковъ за споль и за кварширу.

— Деньги счешъ любяшъ, — сказалъ онъ ей. — Попрудись, сударыня, размѣняшъ мнѣ эти пяшь франковъ. Я хочу уплашишь долгъ Г. Вопрену.

— Счешъ деньги любяшъ, — повторилъ переводчикъ Поаре, поглядѣвъ на Вопрена.

— Вы какъ будпо боишесь бышь мнѣ обязаннымъ! — вскричалъ Вопрень, запуспивъ въ душу Евгенія испышующій взоръ свой и бросивъ на него одинъ изъ пѣхъ насмѣшливыхъ, Діогенскихъ взглядовъ, кошорые уже не разъ его бѣсили.

— Да, боюсь! — опивчалъ Распиньякъ, собираясь итти съ мѣшками въ свою комнату.

Вопрень поспѣшно вышелъ въ дверь, ведущую въ гостиную, а Распиньякъ пошелъ въ другую, кошорая изъ столовой вела на лѣспницу. Они встрѣпились въ сѣняхъ.

— Знаете ли, милоспивый государь, маркизь Распиньякъ, что вы опивчали мнѣ не совсѣмъ учпиво! — сказала Вопрень, подѣдя къ спуденку, копорый холодно посмопрѣлъ на него.

Распиньякъ зашворилъ дверь столовой, и сказалъ ему: Господинъ Вопрень, я не маркизь! Я говорилъ вамъ, что я маркизь! Я не люблю шупокъ.

— Они пошли драпья, — сказала мамзель Мишено равнодушно.

— Пошли драпья, — повшорилъ Поаре.

— О, нѣшь!— сказала Г-жа Воке, пересчитывая свои деньги.

— Однакожъ они пошли въ садъ!— вскричала Викпорина, вспавъ, чшобы посмопрѣшь въ окно.— А между тѣмъ эшошъ бѣдный молодой человекъ правъ!

— Пойдемъ въ нашу комнату, моя милая,— сказала Г-жа Купшоръ:— эшо до женщины не касается.

Тушъ Вопрень вошелъ въ столовую. — Не пугайшесь, — сказалъ онъ Г-жѣ Воке, — если услышите выспрѣль. Я хочу попробовашъ въ саду мои писшолешы.

— Ахъ, не убивайте Евгенія!— вскричала Викпорина, сложивъ руки.

Вопрень ошсшупилъ на два шага, и внимашельно посмопрѣль на нее. Онъ уже не разъ замѣчалъ нѣжные взгляды, которые бѣдная дѣвушка украдкой бросала иногда на Расшиньяка.

— Вошь новосшь!— вскричалъ на-смѣшливымъ голосомъ, копорый привель ее въ краску. — А вѣдь онъ не дурень? не правда ли? Поспойше, моя милая, мнѣ хорошая мысль пришла въ голову: я обоихъ васъ осчасливлю!

Г-жа Купюръ взяла пипомицу свою подь руку, и сказала ей на ухо:— Ты сего дня удивительно спранна, Викшорина!

— Я не позволю у меня спрѣляшь,— сказала Г-жа Воке.— Вы взбунгачише всѣхъ сосѣдей, и накличише ко мнѣ полицію!

— Ну, ну, машушка, не сердись; Мы пожалуй, пойдѣмъ въ другое мѣспо, ошвѣчалъ Вопрень.

Онъ догналь Распиныяка и ^{подъ}пріапельски взялъ его подь руку.

— Чшо, если бѣ я доказалъ вамъ, чшо въ придцапи пяши шагахъ пяшь разъ сряду всажу пулю въ пиевога шуза? Я думаю, васъ и

эпо не испугало бы? Вы спромешчивы, молодой человекъ: эшакъ васъ, какъ гуся, ни за что убьюшъ!

— Вышрусите? — сказалъ Евгеній.

— Не сердите меня! — отвѣчалъ Вопренъ. — Сядемте шупъ подъ деревомъ. Здѣсь насъ никто не услышитъ. Мнѣ надобно поговорить съ вами. Вы добрый малой, и я не хочу вамъ зла. Я даже люблю васъ, и сейчасъ скажу, за что я васъ люблю. Положите ваши мѣшки вопъ шупъ.

Распиньякъ положилъ деньги на скамейкѣ, и сѣлъ, мучимый любопытствомъ въ высочайшей степени, по случаю такой внезапной переменны въ человекѣ, которъ только-что собрался убить его, и вдругъ вздумалъ сдѣлаться его покровителемъ.

— Вамъ бы, вѣрно очень хотѣлось знать, кто я, что я дѣлалъ: что

дѣлаю, не правда ли? — продолжалъ
Вопрень—Вы слишкомъ любопытны,
мой другъ!.....Ну, ну, не сердитесь,
будете похладнокровнѣе; вы еще
и не то услышите. Отвѣчайте
успѣете еще и послѣ. Сначала вы-
слушайте. Я перенесъ разныя нес-
часія. Вошъ вамъ прежняя жизнь
моя! Кто я такой? Вопрень. Что
дѣлаю? Что мнѣ вздумаешся. Те-
перь далѣе. Хотите ли вы знать
мой характеръ? Я добръ съ шѣми,
которыя хороши со мною и кошо-
рыя мнѣ нравятся; имъ все позво-
ляется; они могутъ, пожалуй, шу-
зить меня, и я даже не скажу имъ:
мнѣ больно! Но я золь какъ чоршъ
съ шѣми, кто меня задираешъ, или
кто мнѣ не понуштру. Я, сударь мой,
изъ шѣхъ, кошорыхъ вы называе-
те аршисшами. Я дерусь, принявъ
нужныя мѣры предоспорожношши.
Бросилъ жребій да и баць: вошъ

наспоящая дуэль! Я ужъ говорилъ вамъ, что пять пуль сряду могу вколопипъ въ пиковаго туза, вгоня одну другою, да еще въ прицѣпѣ пяти шагахъ. Съ этимъ маленькимъ искусствомъ, кажешся, можно бы быть увѣреннымъ, что человека съумѣешь сдуть съ земли. Что жъ, сударь мой, я спрѣлялъ по одному пріятелю въ двадцати пяти шагахъ, и далъ промахъ! А онъ ошъ роду не бралъ въ руки пистолеша, и, посмотрите!....

Тутъ онъ расшегнулъ жидень и раскрылъ грудь свою, мохнашую какъ спина медвѣдя, и покрышую какою-то рыжеватною шерстью, на кошорую было ошвращенельно и спрашно смонрѣнь.

—Эшопъ молокососъ продырля мнѣ грудь,— прибывалъ онъ, положивъ палець Расвиньяка въ ужасный шрамъ, бывшій у него нагрудн.—

Но въ то время я былъ еще ребенокъ, въ ваши лѣта, двадцати одного года. Я тогда былъ иной, вѣрилъ женской любви. Мы бы спали съ вами драхся. Положимъ, вы бы меня убили. Ну что жъ? Я бы былъ подъ землею, а вы гдѣ? Вы бы принуждены были бѣжать въ Швейцарію и проживать папенькины деньги: а у него ихъ немного! Это не поведешъ васъ къ добру. Лучше оставайтесь здѣсь. Я вамъ сейчасъ объясню ваше положеніе и сдѣлаю это съ превосходствомъ человека, который размышлялъ о вещахъ. У васъ теперь полторы тысячи франковъ. А знаете ли вы, сколько вамъ надобно для такой жизни, какую начали вести у насъ, въ Парижъ? Милліонъ, сударь, милліонъ! не больше и не меньше. Да припомъ какъ можно скорѣе; иначе вы надѣлаете безчисленное множе-

спво глупостей. Такъ и бытъ, я доспавлю вамъ милліонъ, на первый случай.

Онъ оспановился и поглядѣлъ на Евгенія.

—Ага, теперь не бойсь, полно душься! Вы смоприше на пріяшеля Вопрена повеселѣе прежняго. При словѣ «милліонъ» онъ улыбаешся какъ дѣвушка, кошорой ся любезный сказалъ: Я приду къ шебѣ сегодня вечеромъ! Дѣло вошь въ чемъ. Вы бѣдны, семейство ваше бѣдно, хопя вашъ папсенька-по и баронъ, по спарой привычкѣ. Вы чесполюбивы, а сапоги у васъ съ заплашками. Вамъ съ родни Босеаны, а вы ходите пѣшкомъ. Вы покушнваешся у Г-жи Воке добродѣшельный каршофель, а спрахъ какъ любили-бы гордые объды баръ Сень-Жерменьскаго Предмѣспья. Вы спите на соломенномъ пюфякѣ, а вамъ бы хопѣлось жишь

въ палапахъ. Ну, не правдали?....Я не охуждаю вашихъ желаній. Не всякой въ соспояніи бышь честолобивымъ. Спросите у женщинъ, какіе мужчины имъ нравятся? Честолобивые! Честолобцы сильнѣе другихъ; въ ихъ крови больше желѣза; сердце ихъ бьется скорѣе. Позвольте спросить васъ, — какія средства намѣрены вы припассти для того, чшобы удовлетворить своему честолобію? Выучитесь Правамъ. Что жъ? оно прекрасно! Лѣтъ черезъ пятокъ вы можете надѣяться бышь адвокатомъ, подъячимъ. Баронъ Распшнѣякъ—подъячій! Куда-какъ хорошо! Если найдете прошекцію шо лѣтъ въ шридцать будете, мож~~но~~, и прокуроромъ съ шремя штысячати жалованья. Плохо!.....Не хопите ли женишься. Пожалуй, вы можете женишься на какой-нибудь пожилой богачкѣ. Но

скверно; знайте! Это значитъ надѣнь себѣ камень на шею. Да при томъ, если вы женишесь для денегъ, такъ куда-жъ денутся ваши правила чести, ваши чувствва благородства? Это-бы еще ничего, пресмыкаюсь змѣею передъ женщиной, лизаешь ножки мапушки и дѣлаешь низости, которыя опрокинули бы свинью. Это все еще ничего: да вы будете несчастливы съ этой женщиной, какъ камень въ помойной ямѣ. Право ужъ лучше боритесь съ людьми, чѣмъ со своей женою. Ну, вопъ ваша жизнь, молодой человекъ! Выбирайте. Да, вы ужъ выбрали! Вы были у Виконтессы Босеанъ, и поглядѣли на роскошь; были у Графини Ресто, дочери нашего Горіо, и понюхали Парижанку. Въ этотъ день вы возвратились домой съ надписью на лбу:—»вѣйши въ люди!« Вѣйши въ люди во что-бы то ни

спало! Браво! сказалъ я: эшошь молодой человекъ мнѣ нравился. Но для эшого вамъ надобно денегъ. Гдѣ жъ ихъ взять? Вы спашете работашь, шрудитесь., Хорошо! съ эшимъ подъ спароситъ и вы будете имѣть возможность нанимашь у Г-жи Воке двѣ комнаты, какъ Поаре кошорый всю жизнь свою былъ на службѣ и шрудился. Въ Парижѣ естъ пятьдесятъ тысячъ молодыхъ людей, такихъ же какъ вы, кошорые шо и думаютъ, какъ бы скорѣе обогатиться и выско-чить въ люди. Вы единица эшого числа, и можете вообразить, легко ли вамъ будетъ выдраться изъ шолпы: Вамъ, господа, надобно будете съедашь другъ друга, какъ паки въ горшкѣ, пошому что пятидесяти тысячъ хорошихъ мѣстъ не сыщешь. Знаете ли, чѣмъ выдрано-ся въ Парижѣ изъ шолпы? Блескомъ

генія, или продажносною. Толпа всегда стѣбается подъ могущесвомъ генія; его ненавидящъ, на него клеветушъ, но ему покоряющся. Здѣсь предъ нимъ бросающся на колѣни, шамъ, если удается, запашы-вающъ его въ грязь. Но геніевъ всюду мало, а продажныхъ, у насъ особенно, очень много, и вы всегда будете ощущать ихъ шайные удары. Въ здѣшнее общесіиво, сударь мой, надо влешъшь ядромъ, или прилѣпишься къ нему какъ язва, сдѣлашься его чумой. Я не льщу Парижскому свѣпу, но я его знаю; онъ далъ мнѣ право говорить объ немъ такимъ образомъ. Не думайте однакожь, чнобъ я порицалъ его. Нисколько! Я люблю его, по-тому чно умѣю имъ пользоваться. Испытайте себя, подумайте, поглядите, размыслите, въ соспоянніи ли вы выдержаетъ эту ежедневную

борьбу, въ копорой каждая неудача называется несчастіемъ, каждое низложеніе нищетою. Вы видите, что все это плохо. Но я вамъ предложу нѣчто, ошъ чего никто на свѣтѣ не откажешся. Слушайте хорошенько. У меня естѣ мысль, копорая меня давно мучитѣ. Мнѣ бы хотѣлось вести папріархальную жизнь, посреди большого помѣстья, тысячь въ сто десятинѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ-нибудь на Югѣ. Я заведу планшаци, накуплю негровъ, накуплю милліонѣ долларовъ, продавая быковъ, шабакъ, лѣсъ, и заживу дикимъ царькомъ, да спану вести жизнь, о копорой здѣсь люди, прячась въ кирпичныхъ норахъ, не имѣютѣ и понятія. На эти вещи я великій позѣ. Теперь у меня естѣ пятьдесятѣ тысячь франковъ; но на пятьдесятѣ тысячь купишь не больше сорока

негровъ, а мнѣ надобно шысячь двѣсши, чшобъ имѣшь двѣсши негровъ, для удовлешворенія .моей спрасши къ папріархальной жизни. Съ эшимъ чернымъ кашшаломъ у меня въ десяшь лѣшь будешъ пяшь милліоновъ франковъ. Если я успѣю, ни кшо не вздумаешъ спросишь меня:—Кшо ны? Я буду Г. Фанъ-Милліонъ-доллерь , гражданинъ Новаго Свѣша, и баспа! Мнѣ будешъ шогда пяшьдесяпъ лѣшь, и я спану веселишься по-своему. Однимъ словомъ, если я вамъ досшавлю приданое въ милліонъ, дадите—ли вы мнѣ двѣсши шысячь франковъ? Двадцашъ проценшовъ за коммисію: эшо , право , не дорого ! Вы напередъ засшавише жену любвишь себя безъ памяши; черезъ нѣсколько дней послѣ свашьбы, вы начнеше выказывашъ безпокойсшиво, и, пожалуй, пришворишесь недѣли на двѣ печальнымъ; пошомъ, когда-

нибудь, между двухъ поцѣлуевъ, вы скажете женѣ: Ахъ, душинька, у меня двѣсти тысячъ долгу! Эшошь водевиль играется каждый день самыми опличными щеголями. Молодая, любящая жена не отказывается въ деньгахъ шому, кшо ее спрасно цѣлуешъ. Убышка вамъ шупъ ни какого не будешъ. Вы шомчасъ приобрьшете эти двѣсти тысячъ какимъ-нибудь оборомъ. Съ вашими деньгами и съ вашимъ умомъ вы наживете такое имѣнне, какое хопише. Ergo, сударь мой, вы въ полгода соснавише свое собственное счастье, шомомъ счастье милой женщины, и пріяшеля вашего, Вошрена, не говоря уже о вашихъ родныхъ, копорые, за неимѣннемъ дровъ, дуюшъ шеперь въ кулакъ. Не удивляйшесь ни шому, чшо я вамъ предлагаю, ни шому, чшо опъ васъ шребую. Изъ шесшиде-

сяпи богатыхъ женишь въ Парижѣ, сорокъ семь основаны на такихъ обшпояшельспвахъ.....

—Что-жъ мнѣ надобно дѣлать?— вскричалъ съ жадностью Расшиньякъ, прерывая Вопрена.

—Почти ничего! сказалъ попъ, радуясь какъ рыбакъ, который видишь, что рыба схватилась за удачку. Слушай-те хорошенько. Сердце дѣвушки, живущей въ нищепѣ, въ несчастіи, жаждетъ любви больше всякаго другаго. Это губка, которая расширится, какъ скоро въ нее упадетъ капля чувства. Волочишься за дѣвушкой, которая находится въ подобныхъ обшпояшельспвахъ! Чортъ возми, да это значишь играшь на-вѣрняка! На этомъ основаніи вы поспроите любовь неразрушимую. Теперь, получи эта дѣвушка милліоны,— она бросишь вамъ ихъ подъ ноги, какъ

каменці. Возьми, мой милый, возьми, Альфредъ, Адольфъ, возьми Евгений! Если Альфредъ, Адольфъ или Евгений былъ такъ благоразуменъ, что пожертвовалъ собою для нея во-время. Подъ словомъ пожертвованія, я разумью — продашь старое свое платье, чтобы полакомить ее или свозишь въ шеапръ,—заложишь свои часы, чтобы купишь ей шаль. Нужно ли еще говоришь вамъ о пѣхъ любовныхъ фарсахъ, которые такъ нравятся женщинамъ, на примѣръ: будучи въ разлукѣ съ нею, капнушь на письмо водою, чтобы подумала, будто вы плакали. Вы уже должны знать все это! Парижъ, изволише видѣшь, ни что иное какъ Американскій лѣсъ, населенный дикими звѣрями, которыхъ зовушь милліонами; вы охотникъ за милліонами; и чтобы поймашъ ихъ, вы употребляете

обыкновенныя охопничьи хип-росши,— капканы, западни, съши. Охопишься можно разнымъ образомъ. Одни гоняюся за приданымъ; другіе за барышами на биржѣ; прешьи ловящъ силками совѣсши; нные удящъ подписчиковъ. Какъ-бы по ни было, но если они нажились, по всѣ имъ кланяюся, всѣ ихъ уважаюшъ, ласкаюшъ, принимаюшъ въ высшее общество. Парижъ городъ самый снисходительный. Аристокрашія другихъ Европейскихъ столицъ не приметъ въ свои госпинныя безчестнаго милліонщика; а Парижъ пропягиваетъ къ нему руки, ѣздитъ къ нему на вечеринки, ѣстъ его обѣды и чокается съ его срамомъ.

— Да гдѣ жъ найши шакую дѣвушку? сказалъ Евгеній.

— Вы ее всякой день видите.

— Не ужели Викторина?

— Именно.

— Помилуйте!

— Будущая Баронесса Распиньякъ и шеперь ужъ васъ любить.

— Да у ней нѣтъ ни гроша за душею!

— Въ помъ-то и дѣло! Еще два слова и все объяснися. Опець ея, мосье Тальферъ, спарый негодяй. Онъ, говоряшь, во время революціи, обогатился шѣмъ, что убилъ корошкаго своего пріятеля. Онъ банкиръ, главный общникъ въ домъ Фридерикъ Тальферъ и Комп. У него естъ единственнѣй сынъ, кошорому хочешъ онъ оставишь все свое имѣніе во вредъ Викшоринъ. Я не люблю такихъ несправедливостей! Я, какъ Донъ Кихошъ люблю защищать угнетенныхъ. Если бѣ Тальферъ лишился сына, онъ взялъ бы къ себѣ Викшорину, чтобы имѣлъ какого-нибудь наследника. Но это дѣло счастья. Викшорина

мила, любезна; она разомъ привяжешь къ себѣ спарика, и нѣжными своими чувствованіями заспавишь его вершѣшься какъ кубарь. Она не забудешь вашей любви, и тогда вы на ней женишесь. Я во всемъ этомъ берусь за роль счастія. Я сдѣлаю все, что дѣлають самые счастливые случаи. У меня есть пріятель, человекъ совершенно мнѣ преданный. Онъ старый Наполеоновскій Полковникъ и теперь принялъ въ Королевскую Гвардію. Онъ послушался меня и сдѣлался ультра-роялистомъ. Франческни не изъ шѣхъ глупцовъ, которые обѣими руками держатся за свои мнѣнія! Если и у васъ есть мнѣнія, то, ради Бога, продавайте ихъ, мой милой: онъ въ Парижѣ такой же шоваръ, какъ и шерсть. Мнѣ стоить сказать ему только слово. Онъ сей часъ поссорился съ молодымъ Тальферомъ,

кошорый не даешь сеспиръ ни пяпи Франковъ, и.....

Вопрень вскочилъ со скамейки, спалъ какъ фехтмейсперъ, пропянулъ руку впередъ, и выпалъ.

— И въ спорону! сказалъ онъ.

— Какая мерзосшь! вскричалъ Евгений. Вы шушите Г. Вопрень?

— Ну, ну, будьте похладнокровнѣе, не рбьячьшесь! Впрочемъ, пожалуй, если вамъ охота ешь, сердитесь, бѣситесь! Ругайте меня. Ну же, ругайтесь, чшо-ли! Я не обижусь, не спану на васъ сердинься. Въ ваши лѣша это очень еспешивенно. Я самъ былъ такой же. Только подумайте о моемъ предложеніи. Придешъ время, чшо вы и хуже этого сдѣлаете. Въ нашемъ любезномъ Парижѣ, шайна всѣхъ большихъ богашспвѣ, безъ видимой причины, заключаешся всегда въ какомъ-нибудь

преспуленіи,— забышомъ , пошому чшо оно чисшенько сдѣлано.

— Молчите , сударь! Я не хочу слушашь болѣе ни слова; вы меня засшавише въ самомъ себѣ сомнѣвашься. Покуда, вся моя наука заключешься въ чувспшвѣ.

— Какъ вамъ угодно, другъ мой. Ребачьшесь, сколько еспш силы. Я, право, счипалъ васъ рѣшишельнѣе. Я не спану убѣждашь васъ. Однако-жъ еще слово.

Онъ присшально посмошрѣлъ на Евгенія.

— У васъ въ рукахъ моя шайна, сказалъ онъ.

— Топшъ, кшо опказывашься опш подобнаго предложенія, легко и забудешь его.

— Хорошо! Другой не былъ-бы шакъ совѣспливѣ. Помнише, чшо я говорилъ вамъ. Я вамъ даю двѣ недѣли на размышленіе, а шамъ какъ

хошите, принимайте, или откажитесь.

— Что за медный лобъ у этого человека! подумалъ Распильякъ, видя, что Вопренъ преспокойно уходитъ съ палкою подъ мышкою. Но онъ мнѣ прямо сказалъ поже самое, что Г-жа Босеанъ говорила съ околичностями. Онъ раздиралъ мнѣ сердце спальными когшями, и объяснялъ цѣль, для которой я хочу ѣхать къ Г-жѣ Нюсингенъ. Эшотъ разбойникъ, двумя словами сказалъ мнѣ о жизни болѣе, чѣмъ сколько узналъ я отъ людей, и изъ книгъ. Добиваешься богашства или величія, значишь рѣшишься лгашь, сгибаешься, ползашь, выпрямляешься, льспишь, пришворяешься; значишь сдѣлаешься слугою шѣхъ, которые лгали, сгибались, ползали; пошому, что надобно бышь ихъ слугою, если хочешь сдѣлаешься со временемъ ихъ

шоварищемъ. Такъ нѣтъ же, не будешь этого! Я хочу работашь, шрудисья честно, благородно; буду работашь день и ночь, и своими шрудами пріобрѣшу себѣ состояніе. Конечно, такимъ образомъ наживешся не скоро, но по-крайнѣй-мѣрѣ спишь спокойно, и ни какія шягосшныя мысли не будутъ по ночамъ превожишь. Чшо можешь бышь пріятнѣе, какъ взглянувъ на прошедшую свою жизнь, увидѣшь, чшо она чисша какъ млія! Пока-мѣсьшьмысь жизнью—новобрачные..... Вопренѣ, однакожь, показаль мнѣ, чшо бываешь черезъ дѣсять лѣтъ послѣ брака! Чорпѣ возьми, у меня голова кружисья! Не спану ни объ чемъ думашь. Сердце лучшей пупе-водишель, чѣмъ разумъ.

Евгеній былъ выведенъ изъ своихъ размышленій голосомъ шолспой Сильвіи, кошорая кричала, чшо порп-

ной пришелъ. Онъ пошелъ къ нему на встрѣчу, и былъ очень радъ.

Примѣривъ свое вечернее плашье, Распиньякъ надѣлъ упреннѣй коспюмъ, въ кошоромъ онъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Право, я спою Г. Траля! Насилу-шо я сдѣлался настоящимъ дворяниномъ!

— Вы меня спрашивали, Г. Распиньякъ, гдѣ бываешь Г-жа Нюсингенъ? сказалъ Горіо, входя въ его комнапу.

— Да, мнѣ-бы хопѣлось знать.

Она будешь въ понедѣльникъ на балъ у Маршала Кариліана. Если вы шамъ будеше, шо расскажите мнѣ, веселы ли были мои дочери, какъ онѣ были одѣшны, -все, все.

— Какъ вы эшо узнали, почтеннѣйшій Г. Горіо? сказалъ Евгеній, усаживая его у каміна.

— Горничная ея мнѣ сказала. Черезъ Жозефину и Констанцію я знаю все, что онѣ дѣлають, прибавилъ онѣ съ радостнымъ видомъ.

Бѣдный старикъ походилъ на пожилаго влюбленнаго, который радуется счастливой хитрости, что посредствомъ горничной, успѣлъ придти въ соприкосновеніе съ любезною, хотя она этого не знаетъ.

— Вы ихъ увидише! Ахъ, какъ вы счастливы! сказалъ онѣ съ просодушнымъ выраженіемъ печальной зависти.

— Не знаю. Я сейчасъ пойду къ Г-жѣ Босеанъ спросишь, можетъ-ли она ввести меня въ эшошъ домъ.

Евгению весело было показаться Виконшессъ въ новомъ своемъ костюмѣ. Видя на себѣ хорошее платье, хорошіе сапоги, хорошія перчатки; Распиньякъ забылъ добродѣтельную свою рѣшимость. Молодые люди

не смѣюшъ поглядѣться въ зеркало совѣспи, когда опрокидываюшся въ спорону порока, а зрѣлый возрастъ видываль уже себя въ эпюмъ положеніи: вошъ вся разница между эпими двумя эпохами жизни чело-вѣческой!

Съ нѣкошораго времени, Евгенийъ и Горіо сдѣлались пріятелями. Дружба ихъ происходила ошъ шѣхъ же психологическихъ причинъ, кошорыя породили прошивоположныя чувствованія между Вошреномъ и Расшньякомъ.

— Какъ вы могли подумашъ, мой любезный, сказалъ старикъ Евгению на другой день послѣ шого, какъ шюшъ при всѣхъ говорилъ о дочеряхъ Горіо:— какъ вы могли подумашъ, будшо Анастасія сердншся на васъ за шю, чшо вы при ней произнесли мое имя! О, дочери мои меня очень любяшъ! Я ошець самый

счастливый. Только зяшья послу-
паюшъ со мной не совсѣмъ хорошо.
Я не хошѣлъ, чшобы бѣдняжки мои
дочери перпѣли ошъ ссоръ моихъ
съ ихъ мужьями; ошшого-то я и
видаюсь съ ними по—секрешу. Вы
не можете вообразишъ, какія удо-
вольствія доставляешъ мнѣ эпа
таинственностъ; удовольствія со-
вершенно неизвѣспныя опцамъ,
кошорые могутъ видѣшъ дочерей
своихъ когда имъ вздумается. Я
эшого не могу, понимаете? За то,
въ хорошую погоду я опправляюсь
на гулянья, когда узнаю ошъ слу-
жанокъ, чшо дочери мои шамъ бу-
душъ. Я поджидаю ихъ; сердце у
меня бьешся, когда ихъ карешы при-
ближающся; я люблюсь ими въ на-
родѣ; а онѣ, проѣзжая мимо, даряшъ
меня улыбкою, кошорая разсвѣчи-
ваетъ мнѣ всю природу, какъ лучъ
солнца.....

Бѣдный старикъ!

Евгеній одѣлся и отправился въ Тюльерійскій садъ, въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ идти къ Г-жѣ Босеанъ.

Эта прогулка была пагубна для Распіньяка. Нѣкоторые женщины замѣтили его. Онъ былъ такъ молодъ, такъ хорошъ, одѣшъ съ такимъ вкусомъ! Видя, что сдѣлался предметомъ вниманія, и чуть не удивленія, онъ забылъ о сестрахъ и пешкѣ и о своей добродѣтельной совѣспливости. Слова Вопрена, не смотря на цинизмъ ихъ, запали въ сердце Евгенія, какъ въ памяши бѣдной дѣвушки запечатлѣвается неблагородный профиль старой коварной торговки порока, которая сказала ей:—Золота и любви, сколько хошите!

Побродивъ безопасно по саду, Распіньякъ часовъ въ пять отпра-

вился къ Г-жѣ Босеанъ, и получилъ шамъ одинъ изъ шѣхъ ударовъ, ошъ кошорыхъ сердца молодыхъ людей ничѣмъ не прикрышы. До шѣхъ поръ Виконшесса принимала его съ учпшвостію, съ эшой медопочивою прелесшью, кошорую придаешъ знашное воспитаніе, и кошорая бываешъ испинно восхипшешельна, ежели происходишъ изъ сердца. Когда онъ вошелъ, Г-жа Босеанъ сдѣлала сухой жесшъ, и сказала ему опрывшымъ голосомъ:—Господишъ Распшньякъ, мнѣ сегодня не возможно приняшъ васъ, покрайнѣй-мѣрѣ шеперь: я заняша. . .

Для наблюдашеля, а Евгеній очень скоро сдѣлался наблюдашелемъ, эши слова, эшопшъ жесшъ, эшопшъ взгляде, эшопшъ звукъ голоса, содержали въ себѣ всю испорію характера и привычекъ цѣлой касшы. Онъ увидѣлъ желѣзную руку подъ бархашною

перчаткою; пускльй эгоизмъ подъ глянцемъ воспишанія; дерево подъ позолотою. Евгеній слишкомъ легко, слишкомъ опромѣшчиво увѣрился въ благородствѣ жёнщинѣ. Пришомъ онъ добродушно подвисалъ восхипишельный договоръ, связывающій благодѣшеля съ облагодѣшельспивованнымъ; договоръ, котораго между людьми великодушными, первую спашьею пошпановляешся совершенное равенство. Благошворишельность есть спраснь небесная, споль-же мало понимаемая, споль-же рѣдкая, какъ и испинная любовь. И ша и другая ничшо-иное какъ мошовспшо прекрасныхъ душъ. Евгенію непременно хошѣлось ѣхашь на балъ къ Герцогинѣ Кариліано, и онъ вышерпѣлъ эшомъ неучпивый пріемъ.

—Сударыня, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: я бы не осмѣлился беспокоить васъ, если-бы не имѣлъ

до васъ большой надобности. Сдѣлайте милость, позвольте мнѣ придти по-позже; я охотно подожду.

— Такъ приходите ко мнѣ объдашь, сказала Г-жа Босанъ, слыдясь нѣсколько суровости своихъ словъ, потому что она была истинно добра.

Евгеній былъ пронуть эпою переменною, однакожь сказалъ самъ себѣ:—Ползай! сноси все на свѣтъ! Чего-жь тебѣ ожидать отъ другихъ, когда лучшая изъ женщинъ въ одну минушу уничтожаетъ все свои дружескія обѣщанія, и бросаетъ тебя какъ старый башмакъ. Всякой за себя! Съ этими людьми надобно быть, какъ говоритъ Вопрень, пушечнымъ ядромъ.

Горькія размышленія студента были вскорѣ разсѣяны мыслию объ удовольствіи, котораго онъ ожи-

далъ опть обѣда Г-жи Босеанъ. Такъ и малѣйшія обспояпельства въ его жизни , какъ будто нарочно, увлекали его на поприще , гдѣ по замѣчанію ужаснаго сфинкса дома Г-жи Воке , все уподобляется тому , что происходишь на полѣ сраженія. Когда Евгенийъ возвратился къ виконтессѣ , она приняла его съ пою добродѣтельною учивзоспїю, копорюю ему всегда оказывала. Они вмѣспѣ пошли въ споловую , гдѣ виконтъ уже ждалъ жену , и гдѣ сіяла обѣденная роскошь , копорая въ царствваніи Людвига XVIII была доведена до высшей спепенн. Г. Босеанъ, пресыщенный удовольствїями , любилъ одинъ только споль. Обѣдъ его оплнчался превосходствомъ и содержащаго, и содержамаго; никогда еще подобное зрѣлище не поражаало взоровъ Евгения , копорый только въ первый

разъ объдалъ въ одномъ изъ нѣхъ домовъ, въ которыхъ почести переходящъ изъ рода въ родъ. При видѣ этого выработаннаго, великолѣпнаго серебра и тысячи изысканносшей роскошнаго стола; при видѣ этой прислуги, проворной безъ шума, безъ суматохи, бѣдный студентъ по неволѣ спалъ отдававшъ преимущество жизни поспешной изящности, передъ жизнью *лишеній*, на которую осудилъ онъ себя упромъ. Когда мысль его на минушу перелетѣла въ домъ Г-жи Воке, онъ почувствовалъ такое омерзѣнiе, что рѣшился непременно выѣхать оттуда въ Январѣ, какъ для того, чтобы перебраться въ другой домъ почище, такъ и для того, чтобы избавишься отъ Вопрена, желѣзную руку котораго онъ безпрестанно чувствовалъ у себя на плечѣ.

»Не поѣдете ли вы сегодня со мною въ Ипаліянскій шеапръ? «сказала Г-жа Босеанъ мужу.

— Вы знаете, какъ мнѣ пріятно было бы исполнить вашу волю, опивчалъ онъ, но къ несчастію, я обѣщаль одной дамѣ проводить ее въ шеапръ *Des Variétés*.

»Свою любовницу!« сказала она про себя.

— Развѣ Ажудо - Пинто съ вами сегодня не будешь? — спросилъ Г. Босеанъ.

»Нѣтъ!« опивчала она съ досадою.

— Если вамъ непременно нужно кавалера, то возмите съ собою Г-на Распиньяка.

Виконшесса, улыбаясь взглянула на Евгенія.

Черезъ нѣсколько минушъ онъ уже лешлъ съ Г-жею Босеанъ въ великолѣпной карешъ въ модный

пеашръ, и думаль, что попалъ въ волшебный свѣшъ, когда войдя въ ложу увидѣлъ, что всѣ лорнены обратились на него и на виконшессу, которая была одѣша прелестно. Онъ переходилъ ошъ восхищенія къ восхищенію.

»Вы хотѣли со мной поговорить? . . . . сказала ему Г-жа Босеанъ. А! посмотрише, вошъ Г-жа Шюсингенъ черезъ шри ложи ошъ нась. А вошъ на другой споронѣ, сеспра ея съ Г. Тралемъ.«

Говоря эшо, Г-жа Босеанъ глядѣла на ложу Рошгюдовъ, и лице ея вдругъ просвѣшлѣло, пошому что Г. Ажуда-Пиншо шамъ не было.

»Она прелестна!« сказалъ Евгений, поглядѣвъ на Г-жу Шюсингенъ.

— У нее бѣлыя рѣсницы.

»Но какая ловкая, шоненькая шалія!

— У ней шолсшыя руки.

»Но какіе прекрасные глаза!

— Лице длинное.

»Эта форма лица благороднѣе.

— Счастье ея, что у ней хоть по этому благородное! Посмотрите, какъ она беретъ и опускаетъ свой лорнетъ. Горю и лобазъ такъ и проглядываютъ во всѣхъ ея движеніяхъ, присовокупила Г-жа Боссанъ, къ величайшему удивленію Евгения, которому показалось, что она не смотритъ на ея ложу. И дѣйствительно, виконтесса смотрѣла въ то время совсѣмъ въ другую сторону; казалось, будто она не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на Г-жу Нюсингенъ, и за всѣмъ шѣмъ она не пропускала ни одного изъ ея движеній. Собраніе было блистательно. Дѣйствительно Дельфина Нюсингенъ съ гордо-снѣю замѣчала, что обращаетъ на

себя все вниманіе молодого, прекраснаго родственника Г-жи Боссанъ, который шолько на нее и смотрѣлъ.

»Если вы не переснадеете обременять ее своими взглядами, шо обратите на себя глаза всего шептра. Когда хошите имѣть успѣхъ, шо не бросайтесь же такимъ образомъ на людей.

— Милая кузина, сказала Евгеній, вы уже приняли меня подъ свое покровительство, шакъ довершите жъ свои благодѣянія, окажите мнѣ еще одну услугу, кошорая для васъ ничего не значить, а мнѣ принесетъ большую пользу. Я ринуся но влюбленъ.

»Такъ скоро?

— Да.

»И въ эшу женщину?

— Кто же другая позволитъ мнѣ сбожать себя? сказалъ онъ, бросивъ

проницательный взглядъ на Г-жу Боссанъ. Герцогиня Карильяно со-споишъ при дворѣ герцогини Бер-рѣйской: вы вѣрно у нее бываешъ? Сдѣлайте милосшъ, познакомте меня съ нею; возьмите меня съ со-бою на балъ, который даешъ она въ понедѣльникъ. Тамъ будешъ Г-жа Мюсннгенъ, и я. . . .

»Съ удовольствіемъ! сказала она. Если вы уже чувствуете къ ней наклонность, то ваше сердце ска-чешъ на почтовыхъ. Вотъ и ея другъ, Г. Марсе, въ ложѣ княгини Суссиска. Г-жа Мюсннгенъ досадуешъ: она шергншъ плшку! Это са-мая благопріятная минута для зна-комства къ женщиною, особенно съ банкиршей. Эти дамы коммерчес-каго клуба все охотницы до мщеній.

— Что же бы вы сдѣлали въ по-добномъ случаѣ?

»Я! . . . . Я бы спрадала молча.

Въ эту минушу Г. Ажуда вошелъ въ ложу Г-жи Босеанъ.

»Дѣла мои идушь дурно, сказалъ онъ, и я васъ предувѣдомляю объ эшомъ, чшо бы не выдавашъ возвращенія моего къ вамъ за пожертвованіе.

Лице виконшессы заблнспало. Тупъ Евгеній научился распознавашъ выраженіе спраспной любви и не смѣшивашъ его съ гримассами Парижскаго кокетсшва. Онъ былъ пораженъ сіяющимъ видомъ Г-жи Босеанъ, замолчалъ и уступилъ мѣсто свое Г-ну Ажуда.

»Какое дивное созданіе женщина, кошорая шагъ пламенно любншь! сказалъ онъ самъ себѣ. И эшопнъ человекъ измѣнилъ сн для куклы!

Въ сердце его кнпѣло ребяческое бѣшенсшво. Онъ хопѣлъ бы взяпъ себѣ Г-жу Босеанъ, онъ желалъ мо-

гущества демоновъ , что бы унести ее въ своемъ сердцѣ, какъ орелъ, завидѣвъ на лугу ягниска уносишь его въ гнѣздо свое. Ему казалось спыдно , что въ этомъ музеумѣ красота у него одного нѣтъ своей каршины, нѣтъ своей любовницы. Имѣшь любовницу — значишь бышь въ случаѣ, говорилъ онъ самъ себя.

Онъ поглядѣлъ на Г-жу Нюсингенъ , какъ человекъ получившій обиду смиришь на своего прошивника. Виконшесса обернулась къ нему, чтообы однимъ взглядомъ споразъ возблагодаришь его за его скромность. Первое дѣйствіе оперы было кончено.

»Вы вѣдь довольно знакомы съ Г-жею Нюсингенъ, что бы представить ей Г. Распшьяка? сказала она Г. Ажудѣ.

— Она очень будешь рада съ нимъ познакомиться— опвѣчалъ маркизъ.

Прекрасный Португалецъ всѣмалъ, взялъ спуденша подъ руку, и чрезъ минушу они были въ ложъ Г-жи Нюсингенъ.

»Баронесса, имѣю честь предсѣлавить вамъ Г. Распиньяка, родственника виконшессы Босеанъ. Вы производите на него такое живое впечатлѣнiе, что я хотѣлъ довершить его благополучiе, приблизивъ его къ предмету его восшорга.

Эти слова были сказаны съ легкимъ опшѣнкомъ наемѣшливости, прикрывшимъ нагошу мысли. Г-жа Нюсингенъ улыбнулась, и предложила Евгению мѣсто своего мужа, кошорый только что вышелъ.

»Я не смѣю предложить вамъ осшавшяся со мною, сказала она ему-

кто можешь бышь въ ложѣ у Г-жи Боссанъ, шопъ не пойдешъ въ другую.

—Но — опивѣчалъ въ полголоса Евгений— что бы угодить виконшескъ, я долженъ оспанься съ вами. До прихода маркиза мы говорили о васъ, о вашей красотѣ, объ изящности вашего наряда, сказалъ онъ вслухъ.

Г. Ажуда ушелъ.

»Такъ вы въ самомъ дѣлѣ оспаншесь у меня? сказала баронесса, мнѣ очень пріятно съ вами познакомишься. Сеспра моя, Г-жа Респо, возбудила во мнѣ живѣйшее желаніе васъ видѣшь.

— А между шѣмъ, вообразите, она запретила пускашь меня къ себѣ!

»Какимъ эшо образомъ?

— Я, сударыня, скажу вамъ всю правду; но заранѣе прошу извиненія въ моей опроверженности. Я живу въ одномъ домѣ съ вашимъ баптишкой и, не зная чпо Г-жа Респю — дочь его, имѣлъ неоспоримость заговорить объ немъ у ней въ домѣ. Я разсердился этимъ и сестрицу вашу, и Г-на Респю. Вы не можете вообразить, какъ это опроверженіе отъ отца не понравилось моей кузинѣ и герцогинѣ Ланже. Я рассказывалъ имъ эту сцену и онѣ хохотали отъ чистаго сердца. Г-жа Босеацъ начала шутъ сравнивать васъ съ вашею сестрицею и говорила объ васъ съ большими похвалами; она рассказывала, какъ вы милы съ моимъ почтеннымъ сосѣдомъ, Г. Горіо. Да и какъ вамъ не любить его! Онъ обожаетъ васъ такъ спраспно, чпо я начиналъ ревновать.

Цѣлые два часа говорили мы о васъ сегодня ушромъ. Пошомъ, помня по, что толковалъ мнѣ вашъ ба-шошка, я сказалъ за обѣдомъ моей кузинѣ: не можетъ быть, чтообъ Г-жа Нюсингенъ не была также хороша, какъ иѣжна! Опшого-по Г-жа Боссанъ, по обыкновенной своей любезности, привезла меня сюда, говоря что я васъ здѣсь увижу.

»Какъ, сѹдарь? опвѣчала банкирша, я уже обязана вамъ благодарностию! Право, мы скоро сдѣлаемся спаринными друзьями.

— Дружба съ вами должна быть чувствомъ очень сладостнымъ, но я никогда не захочу быть вашимъ другомъ.

Эти спереопивныя глупости, изданныя для употребленія начинающихъ, всегда правятся женщинамъ, и кажутся жалкими только

шогда, когда ихъ хладнокровно читаемъ въ книгѣ. Жесты, выраженіе голоса, взглядъ молодаго чело-вѣка, придающъ имъ неисчислимую цѣну. Распиньякъ чрезвычайно понравился Г-жѣ Нюсингенъ; попомъ, какъ всѣ женщины, которыя находящаяся въ затрудненіи ошвѣчашь на вопросъ слишкомъ искренно предложенный, она заговорила о другомъ.

»Да! Сестра моя очень вредитъ себѣ своимъ обхожденіемъ съ ба-шюшкой, который, право, былъ для насъ неописанно добръ. Мужъ рѣшишельно запрешилъ мнѣ приви-машь его иначе, какъ ушромъ, и я шогда шолько на эшо согласи-лась. Я долго объ эшомъ плакала. Эши непріятности, случившіяся шощасъ послѣ первыхъ удоволь-ствій брака, совершенно разшпро-или насъ съ мужемъ. Въ глазахъ

Парижа я самая счастливая, а на дѣлѣ самая несчастная женщина во всемъ свѣтѣ. Вамъ, можешь бышь, покажешся страннымъ, что я говорю такъ откровенно; но вы знакомы съ бабюшкой: вы мнѣ не чужой, вѣрно все знаете.

— Во всемъ свѣтѣ вы не найдете человека, который бы пламеннѣе меня желалъ принадлежать вамъ, сказалъ Евгеній. Чего ищутъ всѣ женщины? Блаженства! прибавилъ онъ голосомъ, который вливался прямо въ душу. А если для женщины блаженство состоитъ въ томъ, что бы бышь любимой, обожаемой, имѣшь друга, которому бы можно было ввѣрять всѣ свои желанія, прихоти, горести и радости, раскрывашъ передъ нимъ всю свою душу со всеми ея милыми недостатками и превосходными качествами; то вы ни у кого не найдете сердца

споль преданнаго, споль пламеннаго, кромѣ молодаго человѣка, который радъ будешь умереть по первому вашему знаку, который еще не знаешь свѣта, и не хочешь знать его пошому, что весь свѣтъ заключаеися для него въ васъ. Я, — вы спашенне смѣялись надъ моею спкровенностью, — я еще недавно изъ провинціи, новичекъ во всемъ, прекраснаго зналъ однѣ только души, и думалъ не любить. Но я увидѣлъ мою кузину, она слишкомъ приблизила меня къ своему сердцу, раскрыла передо мною всѣ сокровища спрасши, и я теперь влюбленъ во всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, покуда еще не нашелъ одной, которой бы споло посвятилъ себя. Войдя въ шеашръ, я увидѣлъ васъ, и меня — какъ будшо электрическимъ шеченіемъ повлекло къ вамъ. Я уже шакъ много о васъ думалъ. Но пор-

прешъ вашъ , кошорый я сосставилъ себѣ въ воображеніи, далеко опспалъ опъ подлинника. Г-жа Босеанъ запрешила миѣ смопрѣшь на васъ. О, она не посшигаешъ, какъ сладосшно любовашься прелесшными губками, нѣжнымъ цвѣшомъ лица, обворожительными глазками.... Я говорю вамъ глупости, сударыня, но позволъше миѣ говоришь, не сердитесь на меня!...

Всѣ эши пошлосши, повшоряю я, очень нравящся женщинамъ, хопя онѣ очень пошлы на бумагѣ и непросшишельны при свидѣшеляхъ; но на словахъ и вдвоемъ самая спрогоя женщина ихъ слушаешъ, если даже и не хочешъ опвѣчать на нихъ. Начавъ шакъ опважно, Распиньякъ продолжалъ въ шомъ же шонѣ, говорилъ глухимъ, спраспнымъ голосомъ, и Г-жа Нюсингенъ ободряла его улыбками, посмапривая по временамъ на Г. Марсе, кошорыйне

выходилъ изъ ложи княгини Суссиска. Распиньякъ оспавался съ Г-жею Нюсингенъ до шѣхъпоръ, когда мужъ пришелъ, что бы везши ее домой.

»Я буду имѣшь честь бышь у васъ, сударыня, до бала герцогини Кариліано, сказалъ онъ.

Она опвѣчала ему прелестнымъ движеніемъ руки и едва примѣлною улыбкою, копорую однакожь онъ хорошо примѣшилъ.

»Дѣла мои идутъ хорошо, подумалъ онъ, она не разсердилась, когда я говорилъ ей о любви. О, теперь она моя!« Бѣднякъ и не зналъ, что баронесса была разсѣяна, что она ожидала опъ Г-на Марсе одного изъ пѣхъ рѣшительныхъ писемъ, копорыя раздирають душу. Онъ былъ совершенно счастливъ своимъ воображаемымъ успѣхомъ.

Раскланявшись съ Г-жею Босанъ, бѣдный студентъ возвращалъ

ся изъ Италіянскаго пиапра пѣшкомъ, и мечпалъ о своихъ планахъ. Онъ очень замѣшилъ, съ какимъ вниманіемъ посмапривала на него графиня Респо и въ ложѣ виконтессы, и когда онъ былъ у сестры ея: онъ былъ увѣренъ, что графиня снова будетъ принимать его. Въ короткое время онъ уже соспавилъ себѣ въ самомъ высшемъ обществѣ четыре связи, — попому что онъ надѣялся понравиться еще и маршалшѣ Кариньяно. Не опдавая себѣ опчета въ средспвахъ, копорыми будетъ дѣйспвовать, онъ уже догадывался, что въ сложномъ механизмѣ свѣша ему удаспся ухватиться за какое нибудь колесо, и что тогда онъ будетъ на верху машины.

»Если баронесса Шюсингенъ полюбитъ меня, говорилъ онъ самъ себѣ, я научу ее управлять му»

жемъ ; а какъ онъ превосходно обрабатываетъ дѣла свои, то и можешь мнѣ какъ-нибудь обогатиться. . . . .»

Правда, онъ не говорилъ этого себѣ прямо, онъ еще не успѣлъ сдѣлаться такимъ полиптикомъ, чтобы обратишь свое положеніе въ цифры и вычислишь его арифметически; но мысли его носились по этому горизонту въ видѣ легкихъ облаковъ, и въ плавильномъ видѣ совѣсти осѣпали бы не слишкомъ чистый каролекъ.

Дорогою Распиньякъ совершенно влюбился въ Г-жу Шюснженъ. Онъ вспоминалъ обворожительность ея влажныхъ глазъ ; нѣжную, шелковистую шкань ея кожи, сквозь кошорую ; какъ ему казалось, видно было обращеніе крови ; пріятность ея голоса, прелесть свѣшлорусыхъ волосъ. Онъ шелъ

скоро , и это можешь бышь, еще больше разгорячало его.

Возвращаясь домой онъ послушался въ двери Г. Горіо.

»Любезный сосѣдъ ! Я видѣлъ Дельфину.

— Гдѣ ?

»Въ Испаліянскомъ театръ.

— Чшо, она веселилась? Да войди—же !

Старикъ вспалъ въ одной рубашкѣ , опперъ дверь , и проворно опяшь легъ.

»Разскажише же мнѣ чшо-нибудь объ ней!

Евгеній въ первый разъ былъ въ комнапѣ Горіо : онъ шолько чшо удивлялся богатому , изящному наряду дочери, и пришелъ въ осполбеніе , увидѣвъ въ какой канурѣ живешъ опецъ. Окно было безъ гардинъ; обои во многихъ мѣспахъ опдѣмались опъ сырыхъ спѣнъ и

выказывали закопѣлую шпукашурку; бѣдный старикъ спалъ на солменномъ шюфякѣ и прикрывался изораннымъ одѣяломъ, а на ноги клалъ для шепла сшипые лоскутки грязныхъ капошовъ Г-жи Воке. На чердакѣ послѣдняго носильщика мебели бываюшъ лучше шѣхъ, копорымъ хозяйка убрала жилище Горіо. При взглядѣ на эту сырую и холодную комнату, дрожь невольнo пробѣгала по всему его шѣлу. Къ счастью, Горіо не видалъ выраженій лица Евгенія: пославивъ свѣчу на споль, онъ закрылся до самой головы, и повернулся къ нему.

»Ну, копорая же вамъ больше нравишя, Анастасія или Дельфина?

— Дельфина мнѣ больше нравишя, ошеѣчалъ Распишьякъ, попомучно она больше къ вамъ привязана.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ чувствомъ, шарикъ нѣжно пожалъ руку Евгенія.

»Благодарю васъ! сказалъ онъ про-
гапелельнымъ голосомъ. Чшо-жь она
говорила вамъ обо мнѣ?

Сшуденшъ повшорилъ слова ба-
ронессы съ нѣкошорыми прикра-
сами; бѣднякъ Горю слушалъ съ
благоговѣніемъ.

»Милая моя Дельфина! Да, да!
она меня очень любилъ. Но не вѣрь-
ше шому, чшо она говорила вамъ
объ Анаспасіи. Онѣ меня такъ лю-
бятъ, чшо ревнуютъ другъ къ дру-
гу. Анаспасія шже ко мнѣ очень
привязана, я это знаю. Видише,
чшо значишь ошець со своими дѣль-
ми: онѣ проникаетъ во внутрен-
ностъ сердцеъ и судитъ о намѣ-
реніяхъ! Охъ! еслибъ у меня были хоро-
шіе зятъя: я бы былъ слишкомъ сча-
спливъ! Не понимаю, какъ Дельфина
могла выйши за этого шолсшаго чур-
бана Альзаеца, кошорый шакъ дурно
съ ней обходишся! Я почти не въ

правѣ сердисься на нее за то, что у ней есть милой другъ : женщина не можешь обойтись безъ любви. . . . . Но говоряшъ , что этошъ Марсе негодяй. Мнѣ часто приходишъ охота свернуть ему шею. Боже мой , если бы кто сдѣлалъ мою Дельфину счастливою , если бы онъ любилъ ее какъ она заслуживаетъ , я бы въ состояннн былъ чистить ему сапоги ! Я ихъ люблю до безпамятства ! Ахъ , если бъ я жилъ съ ними ! Одно уже это , что я бы зналъ что онъ шупъ , близко ; что слышалъ бы , какъ онъ говоряшъ ; видѣлъ бы , какъ онъ уѣзжаютъ , или прѣзжаютъ домой. . . . Вы не можете вообразить , какъ все это веселило меня , когда онъ еще жили у меня. Скажите мнѣ , хорошо ли была одѣша моя Дельфина ?

— Прелесшно. Но скажише мнѣ, ради Бога, мой почтеннѣйшій, какъ вы можете жить въ такой конурѣ, когда ваши дочери за мужемъ за такими богачами?

» Да къ чему мнѣ жить лучше! сказалъ онъ съ безпечнымъ видомъ. Я не умѣю вамъ это объяснить, потому что я не мастеръ говорить... У меня все кушъ! прибавилъ онъ, указывая на сердце. Жизнь моя вся въ моихъ дочеряхъ. Если онъ веселятся, если онъ счастливы, хорошо одѣшны, ходящъ по коврамъ, что за надобность, какое на мнѣ сукно и гдѣ я силю! Мнѣ не холодно, когда имъ тепло; я не скучаю, если онѣ смѣются. Горюю я только ихъ горемъ, — своего у меня нѣтъ. Вы это не понимаете теперь, молодой сосѣдъ. Погрозите, когда у васъ будутъ дѣти: вы увидите, что это такое.

При видѣ вашихъ дѣшей, вы будете чувствованы, что это нѣчто ваше, чревъ вашего чрева, чистѣйшая капля вашей крови: оно и дѣйствительно такъ! — вамъ будетъ казаться, что вы сами движетесь, когда онъ ходитъ. . . .

Въ эту минушу старикъ Горіо казался чѣмъ-то неземнымъ. Евгенийъ еще его не видывалъ освѣщеннаго пламенемъ своей родимельской спраски. Существо самое грубое, выражая чувство истинное и сильное, окружаясь облакомъ какой-то эфирной жидкости, которая благо-роживается физиономію, вливаетъ душу въ шлодвиженія, придаетъ радужный цвѣтъ голосу. Оно движется тогда въ свѣтлой сферѣ. Въ эту минушу въ жестахъ, въ голосѣ старика Горіо, была сила сообщенія, составляющая великаго актера.

» Такъ вамъ вѣрно пріятно будетъ узнать, сказалъ Распиньякъ, что Дельфина скоро поссорится съ Г. Марсе. Онъ покидаетъ ее, влѣчится за Княгинею Сусиска. А я сегодня рѣшительно влюбился въ Г-жу Нюсингенъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ Горіо.

» Да, кажешся, что и я ей не пропивенъ. Мы съ ней цѣлый часъ полковали о разныхъ вещахъ, относящихся къ сердцу. Я буду у ней послѣ завтра, въ субботу.

— О какъ я буду любить васъ, если вы сдѣлаешесь ея другомъ! Вы добры, вы не спанете ее мучить. Но если вы ей измѣните, я васъ убью! Женщина два раза не любитъ. Боже мой, я заврался! Прощайте, Г. Распиньякъ, вамъ здѣсь холодно. Не вѣдѣла-ли она что-нибудь сказать мнѣ?

Ничего, подумалъ Евгеній.—Она сказала, что посылаетъ вамъ поцѣлуй любящей васъ дочери, продолжалъ онъ въ слухъ.

— Прощайте, спокойной ночи! Миръ будете всю ночь спитесь эшошь поцѣлуй.

Бѣднякъ! подумалъ Евгеній, ложась спать: онъ право пронелъ каменное сердце. Она думаетъ объ немъ столько же, какъ о Турецкомъ Султанѣ.

Съ этого разговора Горю починилъ Евгенія своимъ повѣреннымъ, своимъ другомъ. Между ними установились единственные соотношенія, какими только Горю могъ привязаться къ другому челоуѣку. Онъ воображалъ себѣ, что сблизился со своею Дельфиною, что она будетъ лучше принимать его, когда Евгеній подружится съ нею. Онъ и не думалъ объ ея добромъ имени,

забывалъ, что онъ, какъ отецъ, долженъ бытъ покровителемъ ея добродѣтели. . . . Правду сказавъ, уже нечего было и покровительствовать!

На другой день за завтракомъ, всѣ жильцы Г-жи Воке съ удивленіемъ увидѣли, что Горю подѣлъ къ Раешиньяку, что между ними учредились особенныя отношенія, что физіономія старика, котораго лице обыкновенно походило на старую измятую маску, дышетъ удовольствіемъ и жизнью. Вопрень который въ первый разъ видѣлъ Евгенія со времени ихъ совѣщанія, казалось, хотѣлъ прочесть въ душѣ его. Вчера лежа спать Евгенийъ измѣрялъ мысленно обширное поприще, открывшееся предъ нимъ; вспомнилъ о предложеніи Вопрена, и думалъ о приданомъ дѣвицы Тальферъ. Теперь за завтракомъ онъ

глядѣль на нее, —глядѣль шакъ, какъ молодой человекъ самый добродѣтельный, невольно сморщилъ на богашую наследницу. Глаза ихъ встрѣпились. Евгеній въ своемъ новомъ костюмѣ очень нравился бѣдной дѣвушкѣ. Взоръ, копорымъ они обмѣнялись, былъ довольно значительный, и студентъ могъ считать себя предметомъ шѣхъ неясныхъ желаній, копорыя всегда мучаютъ молоденькую дѣвушку, и копорыя она гогова сосредоточилъ на первомъ нѣсколько миломъ существѣ. Какой-то шайный голосъ кричалъ Распирьяку: — восемь сотъ тысячъ франковъ! Но онъ тотчасъ обратился къ воспоминашямъ вчерашняго дня, и надѣялся, что заказная спрашъ его къ баронессѣ будешъ прошивоядіемъ дурнымъ мыслямъ, копорыя невольно приходятъ ему въ голову.

» Вчера играли, въ Италіянскомъ театръ, Сивильскаго циркульника, Россини, сказалъ онъ. Я никогда не слыхивалъ такой восхищительной музыки!

— А какъ вы возвратились изъ театра? спросилъ Вопрень.

» Пѣшкомъ, опивчалъ Евгенийъ.

— Этого я не понимаю, сказалъ соблазнитель. Что за радость въ этихъ половинныхъ удовольствіяхъ! По мнѣ, въ театръ пріятно быть въ своей ложѣ, пріѣхать туда въ своей каретѣ, и возвратиться въ своей, спокойно и удобно. Мой девизъ: — Все или ничего.

» Право, славный девизъ! сказала Г-жа Воке.

— Не пойдете-ли вы къ Дельфинъ? сказалъ Евгенийъ по шихоньку шарикю Горіо. Она приметъ васъ съ распросертыми объятіями: ей, вѣрно, пріятно будетъ распросить

вась обо мнѣ. Я слышалъ, что ей очень хотѣлось-бы познакомиться съ виконтессою Босеанъ. Не забудьте сказать ей, что я готовъ доставить ей это удовольствіе.

Распиньякъ оправился въ свой юридическій факультетъ. Ему непріятно было оставаться въ классѣ; онъ вышелъ, и спалъ бродячь по улицамъ, мучимый лихорадкою, извѣсною всемъ молодымъ людямъ, питающимъ слишкомъ блестящія надежды. Вспоминая слова Вопрена, онъ размышлялъ о Парижской жизни; когда вспрѣвился въ Люксембургскомъ саду съ приятелемъ своимъ Біаншономъ, студентомъ медицины, который всякой день обѣдалъ у Г-жи Воке.

» Что ты такъ задумался? сказалъ Біаншонъ, взявъ Евгенія подъ руку, чтобы походить передъ дворцемъ.

— Меня мучають разныя мысли.

» Какія эпито? Опять мыслей можно выдечиниться.

— Какимъ образомъ?

» Предавшись ихъ влеченію.

— Ты шупишь, не зная въ чемъ дѣло.

» Вообрази, сказалъ Біаншонъ, переходя вдругъ къ другому предмету: я былъ въ Бопаническомъ саду на лекціи Кювье; выхожу опшуда и вижу нашу мамзель Мишонно и Поаре: они сядишь на лавкѣ и толкують съ какимъ-то человекомъ, кошорый, какъ мнѣ кажется, долженъ бытъ переодѣшый полицейскій чиновникъ. Надобно присмашривать за эпитой парочкой; я скажу шебѣ послѣ для чего. Прощай, покуда. Въ чешыре часа мнѣ надобно бышь въ Факультетѣ на перекличкѣ.

Когда Евгеній возвратился домой, спарикъ Горіо ждалъ его.

» Посмотрите, письмо опъ нсе! Какой хорошенькій почеркъ, не правда-ли?

Евгеній распечаталъ письмо и прочелъ :

»Бапюшка говорилъ мнѣ, что вы любите Италіанскую музыку: позволите мнѣ предложить вамъ мѣсто въ моей ложѣ. Въ субботу играютъ Г-жа Фодоръ и Пеллегрини; я увѣрена, что для нихъ вы мнѣ не откажете. Мужъ мой вмѣстѣ со мною проситъ васъ безъ церемоній откушать у насъ. Если вы согласитесь на это, то избавите его отъ тяжкой супружеской обязанности провожать меня въ театръ. Не отвѣчайте мнѣ и пріѣзжайте.»

»Порядочная женщина не кидается такимъ образомъ на шею къ мужчине! сказала про себя Евгеній. Вѣрно она хочешь употребить меня д. я того, чтобы ревностью снова привязать къ себѣ Г-на Марсе. Этакія вещи дѣлаются только съ досады.»

— Ну, о чемъ же вы думаете, спросилъ Горіо.

Распирьяку совершенно неизвѣстно было сумасбродство, овладѣвшее въ то время извѣстными женщинами: онъ не зналъ, что банкирша готова пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ, чтобы только попасть въ какой-нибудь знаменитый домъ въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Но недоувѣрчивость его принесла ему пользу: она охладила его и дала ему несчастную возможность не принимать условій; а самому поспавлять ихъ.

«Да, да! я пойду, сказалъ онъ.

Теперь одно любовнышество вело его къ Г-жѣ Шюсингенъ; а если бы она пренебрегла его, онъ былъ бы увлеченъ шуда спрасшыю. Онъ съ неперытнѣемъ ожидалъ завтрашняго дня.

Одѣвшись весьма изящно, онъ сошелъ въ общую комнашу, въ то время какъ всѣ жильцы сидѣли за споломъ. Нарядъ его возбудилъ тысячу шушокъ; Вопиренъ проговорилъ объ его плашьѣ длинную и забавную шираду, опъ копорой все обществво расхохоталось. Дѣвица Тальферъ бросила на него нѣжный взглядъ и сказала нѣсколько словъ на ухо Г-жѣ Кушеръ; Евгенийъ ушелъ опъ нихъ скорѣе въ совершенномъ смущеніи.

Онъ отправился въ улицу Св. Лазаря, и пришелъ къ одному изъ нѣхъ легкихъ домиковъ, съ шонень-

кими колонами, съ жалкими поршиками, копорые соспавляютъ *красивое* въ Парижѣ,—къ наспоющему банкирскому домику, наполненному драгоценною изысканносцію, мраморомъ и мозаикою. Г-жа Нюсингенъ была въ госпиной, украшенной Италіянскою живописью, но походившей по своему убранству на кофейную. Баронесса казалась печальною. Усилія, копорыя она дѣлала, что бы скрышь свою гореснь, шѣмъ болѣе пронули Евгенія, что въ нихъ не было ничего прищворнаго. Онѣ думаль обрадованшь женщину своимъ приходомъ, а междушѣмъ видѣль ее въ опчаяніи. Это оскорбило его самолюбіе. Пошупивъ надъ ея прискорбіемъ, онѣ сказалъ.

»Я, конечно, не имѣю ни какихъ правъ на вашу довѣренноснь, сударыня; но если я вамъ мѣшаю, то

надѣюсь, что вы мнѣ откровенно скажете.

—О, нѣтъ, нѣтъ, не уходите, ошвѣчала она: если вы уйдете я останусь совершенно одна. Мужъ мой не обѣдаситъ дома, а мнѣ бы не хотѣлось ошпахъся одной: мнѣ нужно развлеченіе.

» Но что съ вами?

—О, вамъ бы я послѣднимъ это сказала!

» Мнѣ очень бы хотѣлось знать; иначе я могу подумать, что это касается до меня.

—Можешь бышь!... Нѣтъ! это семейныя неудовольствія, копорыя должны бышь погребены въ сердце. Я вамъ говорила шрешьяго-дня: я очень несчастлива.

Если женщина говоритъ молодому человѣку, что она несчастлива; если молодой человѣкъ уменъ, хорошо одѣтъ и чувствуетъ въ сво-

емъ карманъ полшоры тысячи франковъ свободныхъ, но онъ необходимо спанемъ думашъ позже, что говорилъ Евгений.

» Чего вамъ желашъ! сказалъ онъ, вы прекрасны, молоды, любимы, богашы.

Она сдѣлала оприцашельный знакъ головою.

» Не спанемъ говоришь обо мнѣ, опвѣчала она. Мы пообѣдаемъ вдвоемъ, и попомъ поѣдемъ слушалъ прелеснѣйшую музыку. По вкусу ли вамъ я одѣша? спросила она, вспавая, и показывая свое изящно богашое платьѣ изъ бѣлаго кашемира съ Персидскими узорами.

—О, я хопѣль-бы, чтобъ это чудесное съ шѣмъ что въ немъ содер-жипся, принадлежало мнѣ! сказалъ Евгений. Вы въ немъ прелеснны!

» Вы бы владѣли жалкою женщиною, сказала она, печально улыбно-

вшись. Ни что не обличаетъ здѣсь несчастій, а между-тѣмъ я въ опчаяннн. Горе опнимаетъ у меня сонъ. Я скоро подурнѣю.

—О, это невозможно! сказалъ Евгений. Могутъ ли быть печали, копорыхъ бы не загладила пламенная преданность друга?

»Если бъ я опкрыла вамъ мои печали, вы бы меня оставили, попому что вы прищворяетесь пламенно преданнымъ только изъ обыкновенной вѣжливости; а когда бъ вы, по несчастію, истинно любили меня, вы сами были бы опъ этого въ опчаянн. Вы видите, что я должна молчать. Сдѣлай милость, оставемше говорнть о чемъ-нибудь другомъ. Пойдемше посмопрѣть мои компанн:

—Итъ, оставемшесь здѣсь! опвѣчалъ Евгений, сѣвъ на маленькой

софѣ у камна, подлѣ Г-жи Нюсн-генъ и опважно взявъ ее за руку.

Она не пропивилась, и даже слегка пожала ему пальцы съ однимъ пзъ эшимъ движеній сосредоточенной силы, копорья обличающъ глубокое спраданіе.

»Послушайне, сказала Роснинъ-якъ: если у васъ есмь печали, вы должны отккрышь мнѣ ихъ. Я хочу доказать, что люблю васъ для васъ самой. Или вы мнѣ расскажите ваши огорченія, чтобы я могъ облегчить ихъ, хоть бы для этого надобно было убить челоуѣкъ шесть, или я сейчасъ уйду и никогда больше у васъ не буду.

—Хорошо же! вскричала она, какъ бы по внушенію отчаянной мысли, и ударивъ себя по лбу. Я сейчасъ испышаю васъ. Да! сказала она сама себѣ: это единственное средство!...

Она позвонила.

» Баронова кареша заложена? сказала она каммердинеру.

—Заложена, сударыня.

» Я ее возьму. Баринъ поѣдемъ въ моей карешѣ. Обѣдашь мы будемъ въ семь часовъ.

—Поѣдемше! сказала она Евгению, кошорый думалъ, что видишь все эшо во снѣ, когда очушился подлѣ эшой женщины, въ карешѣ барона Нюсингена.

» Въ Пале—Рояль! сказала она: оспановишесь подлѣ Французскаго Театра!

Дорогой она была безпокойна, и Евгений не зналъ, что думашь объ ея безмольномъ, хладнокровномъ сопротивленіи. Въ одну минушу она у меня вырвалась! сказалъ опъ про себя. Когда кареша оспановилась, баронесса взглянула на Евгения съ такимъ видомъ, что пресѣкла по-

покъ безумныхъ словъ его, попому что онъ совершенно вышелъ-было изъ себя.

»Испинно ли вы меня любите? сказала она.

—О, да! опвѣчалъ опъ, скрывая безпокойство, которое невольнo имъ овладѣло.

»Вы не спанете думать обо мнѣ дурно, чего бы опъ васъ ни попребовала?

—Нѣтъ.

»Согласны ли вы мнѣ повиноваться?

—Слѣпо, во всемъ что вы прикажете.

»Бывали ли вы когда-нибудь въ игорныхъ домахъ? спросила она дрожащимъ голосомъ.

—Никогда.

»Я очень рада. Слѣдовательно вы будете играть счастливо. Возьмите вамъ мой кошелекъ. Возьмите же!

Тутъ сно франковъ: болѣе у меня нѣтъ! Подише въ игорную залу. Я не знаю, гдѣ эти залы, но знаю, что онѣ въ Пале—Рояль. Поспавъше эти сно франковъ въ игръ, которую называютъ рулеткою, и проиграйте ихъ, или выиграйте мнѣ шесть тысячъ франковъ. Тогда я расскажу вамъ мои огорченія.

—Чортъ возьми меня, если я понимаю, что снзну дѣлашь! Но я исполню вашу волю, прибавилъ онъ съ найною радостію, которую возбуждала въ немъ мысль она компрометируется со мною; слѣдственно не можете уже ни въ чемъ опознать мнѣ.»

Евгеній взялъ прекрасный кошелекъ, спросилъ гдѣ игорная зала и побѣжалъ туда. У дверей взяли у него шляпу. Онъ вошелъ и спросилъ, что такое рулетка. Слуга, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ,

повелъ его къ длинному столу. Все зрители окружили Евгенія. Онъ хладнокровно спросилъ, гдѣ надо поснавинить деньги.

»Если вы положите лундоръ на одинъ изъ этихъ прицанъ шести номеровъ, и если онъ выйдесть, вы выиграете прицанъ шесть лундоровъ, сказалъ ему какой-то почтенный съдой шарикъ.

Евгеній положилъ свои сто франковъ на № 21, означавшій его лѣна, и не смѣлъ осморѣться, какъ раздался крикъ удивленія. Онъ выигралъ,—самъ того не зная.

»Возьмите же ваши деньги. Въ этой паршнѣ два раза выиграть нельзя.

Евгеній взялъ лопатку, которую подаль ему тотъ же шарикъ, и скребъ свои три тысячи шесть сотъ франковъ; и опять, не зная чпо дѣлаешь, положилъ ихъ на

красный квадратъ. Зрители съ зависью на него смопрятъ, полагая, что онъ продолжаетъ еще играть, Колесо повертывается, онъ снова выигрываетъ, и банкометъ брасаетъ ему еще при тысячи шесть сотъ франковъ.

»Вы выиграли семь тысячъ двести франковъ, сказалъ ему пошъ же старикъ на ухо. Советую вамъ перестать играть; красный выходилъ уже восемь разъ. Если вы великодушны, то, въ награду за добрый советъ, облегчите участь бывшего Наполеоновскаго префекта, который находится теперь въ крайней нищетѣ.

Старикъ беретъ у него десять лудоровъ, и Расиньякъ уходитъ со своими семью тысячами франковъ, ни сколько не постигая, какимъ образомъ онъ ихъ выигралъ, но удивляясь своему счастью.

» Куда же вы меня теперь повезете, сказалъ онъ баронессѣ, показывая ей деньги, когда человекъ за шворнелъ дверцы кареты.

Дельфина, въ безумной радости обняла его, и поцѣловала съ жаромъ, но безъ снрасти.

» Вы мой спаситель! вскричала она, и слезы ручьями потекли по щекамъ ея. Теперь я все расскажу вамъ, другъ мой. Не правда ли, что вы будете моимъ другомъ? Вы думаете, что я богата, живу въ роскоши, ни въ чемъ не шерплю недостатка? Знайте же, что Г. Нюсннгенъ не позволяетъ мнѣ располагать ни малѣйшей денежкой. Онъ самъ платитъ за всю прислугу, содержитъ мои экипажи, нанимаетъ мои лошади; на гардеробъ мой даетъ онъ мнѣ сумму очень недостаточную, и своей расчетливостью доводитъ меня до такой нищеты.

Я слишкомъ горда, чтобы просить его о чемъ -нибудь. Я была бы презрѣнною пварью, если бы рѣшилась покупать его деньги за цѣну, которую онъ пребуешь. Какимъ же образомъ я позволила обратиться себя, когда у меня своихъ семь соевъ франковъ? Изъ — гордости, по негодванію. Мы, несчастныя женщины, такъ молоды, такъ проснодушны, когда начинаемъ брачную жизнь! Слова, которыми надобно было просить у мужа денегъ, раздирали мнѣ губы; я никогда не рѣшалась ихъ выговаривать; проживала деньги, которыя сберегала, и шѣ, которыя давалъ мнѣ добрый онецъ мой; наконецъ я надѣлала долговъ. Я не могу говорить вамъ объ этомъ. Скажу вамъ только, что я бы бросилась въ окно, если бы должна была жить, съ Г. Нюсингеномъ, вѣче какъ въ

разныхъ комнапахъ. Я рѣшилась польспить самолюбію одного чело-вѣка, котораго вы знаете, сказала она. И пошъ обмануль меня! Онъ безсовѣстно меня покинуль, хотя великодушно одолжилъ меня въ нуждѣ. Мужчина никогда не долженъ бы покидашь шой, кошорой, въ минуны крайности, бросилъ кучу зо-лоша. . . . Вы съ вашею двадцаши-лѣшнею душею, съ чиснымъ серд-цемъ, вы, конечно, не постигаете, какъ можешъ женщина принимашъ деньги опъ мужчины? Деньги спа-новашся чѣмъ-нибудь шолько по-гда, когда любовь исчезла. Любя, думаешь, что будешъ любима вѣч-но, и не видишь различія между до-спояніемъ своимъ и своего друга. Вы не можеше постигнушь, какъ я спрадала сегодня, когда Г. Пюсин-генъ отказалъ мнѣ въ шесши ты-сячахъ франковъ, а самъ дасшъ ихъ

осьмой мѣсяцъ своей любовницѣ, танцовщицѣ! Я хотѣла лишиться себя жизни. Тысяча сумасбродныхъ идей вертѣлись у меня въ головѣ. Были минуты, когда я завидовала служанкѣ моей, горничной. Обращишься къ бабюшкѣ? Невозможно! Мы съ Анаспасією ограбили его, бѣдняка. Онъ самъ бы себя продалъ для насъ, еслибы за него дали шесть тысячъ франковъ! Я бы только безъ пользы привела его въ опчаяніе. Вы избавили меня отъ стыда и отъ смерти; я съ ума сходила отъ горести. Я должна была рассказать вамъ все это, потому что поступила съ вами какъ безумная. Когда вы вышли изъ кареты, когда я потеряла васъ изъ виду, я хотѣла бѣжать пѣшкомъ.... Куда! сама не знаю. Вошь жизнь половины всѣхъ женщинъ въ Парижѣ: снаружи пышность, а въ душѣ опчаяніе! Я знаю женщинъ еще

несчастнѣе меня: онѣ принуждены обкрадывать своихъ мужей самымъ безчестнымъ образомъ. Я никогда не рѣшалась на эти низкіе обманы; и уже впередъ не буду въ шакомъ ужасномъ положеніи. А!! сегодня по крайней мѣрѣ Г. Марсе не посмѣлъ смотрѣть на меня какъ на женщину, копорой онѣ плашилъ....

Она закрыла лице руками, чшобы Евгеній не видалъ слезъ ся; но онѣ опнялъ ручки, чшобы посмотрѣть на нее: она была восхишительна!

— Мѣшаешь деньги съ нѣжными чувствованиями, это ужасно! не правда ли? О, вы не можете любить меня.

Эта смѣсь гордости, копорая такъ облагороживаетъ женщинъ, съ прослупками, въ копорья во-влекаешь ихъ общество, смущала

Евгенія, и между - шѣмъ онъ говорилъ Дельфинъ слова крошкія и утѣшительныя, любуясь эшою прелестною женщиною, столь опкровенною, столь неоспорожною въ послѣднемъ изліяніи своей горести.

— Вы не упопрѣбите эшого во зло прошивъ меня? сказала она. Обѣщайте мнѣ.

— О, сударыня, я не способенъ къ эшому!

Она взяла его руку, и, съ милымъ движеніемъ признапельности, положила ее себѣ на сердце.

— Благодаря вамъ, я снова весела и свободна. На мнѣ лежала шяжелая рука. Съ эсихъ поръ я спану жишь просто, не буду прапипь лишняго. Я обѣщаю вамъ эшо, другъ мой. . . . Оставьте эшо у себя, сказала она, взявъ шолько шесць банковыхъ билеповъ. Я должна

еще вамъ двѣ тысячи пять сотъ франковъ, пошому что считала васъ въ половинѣ съ собою.

Евгеній сначала отказывался, какъ певинная дѣвушка, но баронесса сказала ему: — Если вы не хотите бытъ моимъ сообщникомъ, то вы мой врагъ. — И онъ взялъ деньги, говоря: — Это будетъ нашъ капиталъ на случай проигрыша.

— Этого - то я и боялась! вскричала она, блѣднѣя. Если вы хотите, чтобы я была чѣмъ - нибудь для васъ, то поклянись мнѣ, что вы никогда впередъ не будете въ игорномъ домѣ. Боже мой, мнѣ сдѣлашь васъ игрокомъ! Я бы умерла съ горя.

Она пріѣхала. Эта прошивоположность нищеты съ пышностію поражала и пугала Евгенія.

— Сядыше шупъ, сказала баронесса, войдя въ свой кабинетъ и указавъ ему на маленькую софу, споявшую у камина. Мнѣ надобно написашъ къ нему письмо, чрезвычайно прудное. Помогите мнѣ.

— Къ чему писашъ? отвѣчалъ Евгений: положите билеты въ конвертъ, надпишите, и отправьте съ вашею горничной.

— Да вы золошой человекъ! вскричала она. Вопъ что значить бышь хорошо воспитаннымъ! Это совершенно по Боссеановски, прибавила она, улыбаясь.

» Она восхишительна! « сказалъ самъ себѣ Евгений, шогда какъ Дельфина дергала за колокольчикъ, что бы позвашъ горничную.

— Тереза, снеси это сама къ Г. Марсе и отдай ему въ руки. Если

мы не застанешь его дома, пропринеси письмо назадъ.

Тереза, уходя, бросила лукавый взглядъ на Ростиньяка. Обѣдъ былъ гошовъ. Евгеній подалъ баронессѣ руку, и она повела его въ прелестную госпиную, гдѣ онъ нашель шу же столовую роскошь, копорую видѣлъ у Боссеановъ.

— Всякой день, когда играюшъ Ишалиянцы, вы должны обѣдашь у меня и попомъ ѣздишь со мною въ театръ.

— Я бы охотно поддался этой блаженной жизни; но я бѣдный студентъ, и мнѣ надобно подумашь, какъ бы успроишься и приобрѣспи хощь маленькое состояніе.

— Приобрѣшете! сказала она, смѣясь. Вы видѣше, все улаживаспся. Думала ли я сегодня бышь шакою счастливою?

Женщины любяшь доказывать, что не возможное очень возможно.

Когда Г-жа Нюсингенъ и Роспиньякъ вошли въ ложу, у ней былъ довольный и веселый видъ, который такъ шелъ къ ней, что въ собраніи спали ходишь маленькія клеветы, интересныя сплетни, невинныя догадки о томъ какъ прекрасная баронесса провела свое время между обѣдомъ и театромъ. Кто знаетъ сполочныя публики, тотъ не спанеть вѣришь ничему, что въ нихъ говорится во время антрактовъ.

Евгеній непримѣнно взялъ руку баронессы, и они говорили между собою болѣе или менѣе живыми жестами, сообщая другъ другу впечатленія, производимыя на нихъ музыкаю. Этомъ вечеръ былъ для нихъ упоительный. Они вышли вмѣ-

спѣ, и Г-жа Нюсингенъ захошѣла проводишь Евгенія до Новаго моста, чѣобы имѣшь возмозноспь долѣ оспоривашь у него наглоспи, одинъ изъ шѣхъ поцѣлуевъ, которые шакъ щедро распочала ему въ Пале - Рояль. Онъ упрекаль се въ эпой перемѣнчивоспи.

— Тогда эпо была благодарносспь за преданносспь неожиданную, сказала она: шеперь эпо былъ бы залогъ обѣщанія.

— А вы не хошите обѣщашь мнѣ, неблагодарная !

Дельфина, сдѣлавъ одинъ изъ шѣхъ жестовъ нешерпѣнїя, которые шакъ нравятся влюбленнымъ, дала ему поцѣловашь руку, и онъ взялъ эшу руку съ неохотою, воехнпвшешю баронессу.

— Въ понедѣльникъ, на балъ увидимся, сказала она, выпуская его изъ карешы:

Идя пѣшкомъ, въ лунную и прекрасную ночь, Евгений предавался размышленіямъ. Онъ былъ вмѣстѣ и счастливъ и недоволенъ: счастливъ приключеніемъ, копорого въ-рояпная развязка доставляла ему обладаніе одною изъ самыхъ прелесныхъ и молодыхъ красавицъ во всемъ Парижѣ, въ копорый спремилась всѣ его желанія; недоволенъ имъ, что всѣ его планы обогащенія рушились. Тогда снова закружились въ головѣ его мысли, копорымъ онъ предавался за два дня до того. Неудача всегда показываешь намъ неумѣренность нашихъ желаній. Чѣмъ болѣе Евгений наслаждался Парижскою жизнію, имъ пуще не хотѣлось ему оставашься бѣднымъ и безвѣстнымъ. Онъ мялъ въ карманѣ банковской билетъ, и спарался убѣдить себя, что имѣешь право располагашь имъ. Наконецъ

онъ пришель къ дому Г-жи Вонё, и всходя по лѣспницѣ, увидѣль на верху огонь. Спарикъ Горю оставилъ дверь свою не запершою и не запустилъ свѣчи, что-бы Евгений не забылъ »разсказать ему про дочь его, « какъ онъ обыкновенно говорилъ. Евгений ничего не скрылъ отъ него.

— Охъ! вскричалъ онъ въ припадкѣ ревности: онъ думающъ, что я разорился? А у меня еще тысяча присла франковъ дохода. Бѣдняжка моя Дельфина! Боже мой, зачѣмъ она не вздумала прѣхать ко мнѣ. Я бы продалъ свои облигаціи, мы бы взяли изъ капитала шесть тысячъ франковъ, а изъ остаткаго я бы составилъ себѣ пожизненный доходъ. Что жъ вы пришли мнѣ сказать объ этомъ, любезный сосѣдъ? Какъ у васъ достало духу рисковашъ ея бѣдны-

ми, послѣдними сѣна франками. Вопшь, что значашъ зяшья! Ахъ, если бъ они попались мнѣ въ руки, я бы порядкомъ сдавилъ имъ горло. . . . Боже мой, и плакала! Она плакала?

— Да, лицемъ на моемъ жилешѣ, сказалъ Евгеній.

— Ахъ, шакъ опдайте жъ мнѣ эшошъ жилешъ! вскричалъ Горіо. Какъ на немъ естъ слезы моей дочери, моей милой Дельфины, а она и маленькая не плакала! Не носите больше эшого жилеша, оставьте мнѣ его, я вамъ куплю другой. . . Но имѣніе ея будетъ опдѣлено опъ мужнина. О, я завтра же пойду къ адвокату Дервилю. Я попребую, чтообы ея приданое было опдано въ банкъ на сохраненіе. Я знаю законы. Я шершый калачъ; меня не проведешъ.

— Послушайте. Г. Горіо, вопъ шысяча франковъ, кошорую она заспавила меня взяпъ изъ нашего выигрыща. Сберегите ей эпи деньгѣи вмѣспѣ съ жилеспомъ.

Горіо взглянулъ на Евгенія, схвашилъ его руку, и уронилъ на нее слезу.

Вы будете счастливы, сказалъ старикъ, пошому что Богъ справедливъ! Я знапокъ въ честности! Повѣрьте мнѣ мало на свѣспѣ людей, кошорые бы на васъ походили. Такъ и вы хошите бынѣи моимъ милымъ дѣшпцемъ? Спунайте, мой любезный, спашь. Вы можете спашь, пошому что у васъ еще нѣспѣ дѣшпей. . . . Она плакала! И я узнаю это шеперь; а когда она спрадала, я спокойно тѣль, какъ дуракъ! Но Богъ свидѣшпель, я бы готовъ на все, чшобы шолько кошорую нибудь изъ нихъ избавишь ошпѣ слезъ.

— Право, сказалъ самъ себѣ Евгеній, ложась спать: я думаю, что я на всю жизнь останусь честнымъ человѣкомъ. Служаешься совѣсти очень пріятно.

Быть можешь, добро дѣлаешь въ пайнѣ только тѣ, копорые вѣрятъ въ Бога, а Евгеній вѣрилъ въ Бога.

На другой день, Роспиньякъ отправился передъ баломъ къ виконтессѣ Боссанъ, и она взяла его съ собою къ герцогинѣ Карильяно. Маршальша приняла его чрезвычайно ласково, и онъ нашелъ у ней Г-жу Нюсингенъ. Дельфина, одѣлась прелестно, чтобы, нравясь всѣмъ, еще болѣе понравиться Евгенію, и съ неперпѣніемъ ожидала его взгляда, стараясь однакожь скрыть свое неперпѣніе. Эта минуша восхищительная для человѣка, копорый

умѣешь угадывать чувствованія женщины. Кпо не забавлялся инсгда шѣмъ, чпо заспавляешь дожидаться своего мнѣнiя, чпо изъ кокетства скрывалъ свое удовольствiе, чпобы находилъ признанiя въ причиненномъ безпокойствѣ, и наслаждался спрахомъ, копорый можешь разогнать одной улыбкою. Во время этого бала, Роспиньякъ понялъ всю важность своего положенiя, и догадался, чпо онъ избралъ себѣ родъ жизни, сдѣлавшись кузеномъ виконшесы Босанъ. Ему уже приписывали обладанiе баронессою Нюсингенъ, и это придавало ему столько вѣсу, чпо всѣ молодые люди бросали на него зависпливые взгляды; и уловивъ нѣкопорые изъ этихъ взглядовъ, онъ испыталъ первыя наслажденiя свѣпскаго, молодого челоуѣка. Пошомъ, пробираясь сквозь толпу изъ одной залы

въ другую, онъ слышалъ полки о своемъ благополучіи. Женщины всѣ предвѣщали ему успѣхи. Дельфина, боясь, чтобы его не сманили, обѣщала ему поцѣлуй, копорымъ по-скупилась наканунѣ. На эшомъ балѣ Росшиньякъ приглашенъ былъ во многіе другіе. Г-жа Босеанъ познакомила его со многими дамами, у копорыхъ собиралось хорошее общество. Однимъ словомъ, онъ разомъ попалъ въ самый высшій, самый блестящій кругъ Парижскаго общества. Эшошъ вечеръ имѣлъ для него всю прелесть удачнаго дебюта, и онъ вѣрно не забудетъ его до старости, какъ дѣвушка всегда воспоминаетъ балъ, на кошоромъ она шоржеснивовала.

На другой день, когда онъ за завтракомъ, рассказывалъ шарикъ Горіо при всѣхъ жильцахъ свои ус-

пѣхн. Вопренъ принялся дьявольски улыбашься.

— И вы воображаете себѣ, вскричалъ эшопъ суровый, безпощадный софисшъ, что модный молодой человекъ можете жить въ Новой улицѣ Св. Женевьевы, въ домѣ Г-жи Вонё, — домѣ конечно, во всѣхъ отношеніяхъ весьма почтенномъ, но ни сколько не фешенебельномъ? Любезный другъ, если вы хотите блистать въ большомъ свѣтѣ, то вамъ надобно имѣть прехъ лошадей на конюшнѣ, пюльбюри для упренныхъ выѣздовъ, карету для вечернихъ; вы должны плашить въ годъ поршному при тысячи франковъ, шляпнику пристра франковъ, сапожнику пристра франковъ и прашишь шесть сотъ франковъ въ годъ на прачку. Модные молодые люди обязаны какъ можно болѣе забошишься о бѣльѣ: эшо въ нихъ

всего чаще разглядываютъ. Сосчитавъ порядочно, найдемъ, что вамъ надобно проживать двадцать пять тысячъ франковъ въ годъ; иначе вы шлепаешесь въ грязь, зашмиже свою свѣтлую будущность, лишитесь успѣховъ и любовницъ. Да! я еще забылъ камердинера и грума. Вѣдь не Христофоръ же будетъ разносить ваши любовныя записки. И нельзя жъ вамъ писать ихъ на бумагѣ, на которой дѣлаются опмѣшки на лекціяхъ: это значило бы просно зарѣзаться, безвозвратно погубить себя. Повѣрьте человѣку опытному, прибавилъ онъ, сдѣлавъ басомъ своимъ *rinforzando*. Я самъ велъ эту жизнь я знаю что она споишь. Переселились на добродѣтельный чердакъ и обвѣнчайтесь шамъ съ работою. или изберише другія средства.

Тушь Вопрень мигнулъ на Вик-

шорину Тальферъ, чшобъ эшимъ заключишь рѣчь свою и напомнишь Евгению сѣмена, которыя онъ незадолго передъ тѣмъ посѣялъ въ его сердцѣ.

Прошло много дней въ кешорые Роспиньякъ вель жизнь самую разсѣянную. Онъ почти всегда ѣздилъ съ Г-жею Нюсингенъ на обѣды и вечеринки. Онъ возвращался домой часа въ шри или чешыре за полночь, вспавалъ въ полдень, одѣвался и отпраплялся въ хорошую погоду гуляшь съ Дельфиною, и безопасно прашилъ драгоцѣнное время. Онъ игралъ въ большую игру; проигрывалъ и выигрывалъ много, и совершенно привыкъ къ безцупной жизни Парижскихъ молодыхъ людей. Изъ перзаго выигрыша онъ отправилъ къ машери и сеспрамъ полшоры тысячи франковъ и небольшіе подарки. Хопя онъ давно уже

объявиль, что намѣренъ выѣхать изъ дома Г-жи Вонѣ, но въ концѣ Января жилъ еще тамъ, и не зналъ какъ опшуда выбраться. Молодые люди почти всегда покоряюща закону, который съ перзаго взгляда кажется непоняшнымъ, но который происходишь опъ самой ихъ молодости и бѣшеной спрасши къ удовольствіямъ. У нихъ всегда еспь деньги на прихоти, а никогда нѣтъ ихъ на нужное. Кошелекъ Роспильяка былъ всегда пушъ для Г-жи Вонѣ, всегда полонъ для удовлетворенія шщеславію своего владѣтеля, и имѣлъ какіе-то лунашическіе успѣхи и неудачи, никогда не соопвѣспивовавшіе наспоящимъ срокамъ плашежей, чтобы выѣхать изъ эшого неблагодарнаго, нечиспаго, вонючаго дома, надобно было расплашишь съ хозяйкою, купишь мебели для новой кварширы, а эшо-

го онъ никогда не въ состояннн былъ сдѣлать.

Около этого времени Роспиньякъ проигрался и надѣлалъ долговъ. Онъ начиналъ понимать, что ему не возможно продолжать этого образа жизни, не имѣя вѣрнаго дохода. Но вполне чувствуя по временамъ всѣ неудобства своего положенія, онъ не имѣлъ силы отказаться отъ заманчивыхъ наслажденій этой жизни, и хотѣлъ продолжать ее, во что бы то ни стало. Счастливые случаи, на которые онъ надѣялся, обращались въ мечты, а сущесшвенныя препяшшвія выросшали. Эта жизнь, снаружи пышная, но съѣдаемая молью угрызений совѣсти; эти мимолетныя удовольствія, управляемыя постоянными заботами, сдѣлались для него привычными; онъ сроднился съ этой жизнью, и, какъ Раз-

сѣяннѣй Лабрюера, ложился спать въ грязи оврага, но также, подобно Разсѣянному, мараль покуда еще одно только плашье.

— Чшо, брашь, видно уже предался влеченію своихъ мыслей, чшобы опшь нихъ вылечишься? сказалъ ему однажды Біаншонъ, выходя изъ за спола?

— Нышь еще, но кажешся, эшо скоро будешъ.

Біаншонъ принялъ эшо за шупку, а между - шѣмъ эшо была печальная истина. Евгенийъ, кошорый, послѣ долгаго времени, снова пришелъ объдашь за общій сполъ, былъ очень задумчивъ. вмѣсто того, чшобы, по обыкновенію своему, за десертомъ всшашъ, онъ остался въ споловой, сидѣлъ подлѣ дѣвицы Тальферъ, и по временамъ бросалъ на нее выразительные взгляды. Нѣ-

которыя изъ жильцевъ сидѣли еще за столомъ и ѣли орѣхи; другіе ходили по комнапѣ и разговаривали. Они расходились одинъ за другимъ. Зимю рѣдко случалось, чтобы столовая очиспилась прежде восьми часовъ вечера; и тогда-то чешыре женщины вознаграждали себя за молчаніе, которое почти всегда хранили въ этомъ мужскомъ собраніи. Пораженный задумчиво-спію Евгенія Вопренъ показалъ, будто спѣшилъ уйдти, но оспался въ столовой и наблюдалъ за нимъ пакъ, что попъ не замѣчалъ его. Онъ догадывался, что въ душѣ Роспиньяка происходишъ переломъ.

Евгеній дѣйствительно находился въ непріятномъ расположеніи духа, которое большая часть молодыхъ людей знаютъ. Любила ли его Г-жа Нюсннгенъ или только кокетничала, но искусная въ жен-

ской Парижской дипломатіи, она провела его по всѣмъ спущенямъ спрасни. Выказывая публично любовь къ нему, чшобы привязашь къ себѣ родственника Виконшессы Боссанъ, она не рѣшалась еще даровать ему правъ, въ копорыхъ всѣ ему завидовали. Въ первое время ихъ связи, Евгеній едва не сдѣлался полнымъ власнишелемъ, но попомъ она мало по малу взяла верхъ надъ нимъ съ помощію различныхъ уловокъ, копорыми возбуждала всѣ, и хорошія и дурныя чувспвованія и склонности прехъ или чешырехъ человекъ, заключающихся въ Парижскомъ молодомъ человекъ. Неужели это былъ расчетъ? Нѣтъ. Женщины всегда истинны, даже и въ самомъ коварствѣ, попому чшо онѣ всегда повинуются какому нибудь еспешивенному чувспву. Очень натурально, чшо женщина, увлека-

емая спраспю, передъ самымъ своимъ паденіемъ, спарается испытать сердце челоуѣка, которому ввѣряешь свою будущность. Всѣ надежды Г-жи Нюсингенъ были уже однажды обманушы, вѣрность ея къ молодому эгоисту презрена. После этого она имѣла полное право быть недоувѣрчивою. По какимъ бы причинамъ то ни было, она шушила спраспю Евгенія, и не боялась забавляться ею: она была увѣрена, что онъ любитъ ее истинно, и знала, что можешь унѣшиться и осчасшливишь его, какъ скоро ей вздумаеиъся. Весь Парижъ воображалъ, что онъ осчасшливъ съ Г-жею Нюсингенъ, а дѣла его ни сколько не подвинулись съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее во второй разъ. Не зная еще, что иногда наслажденія, доставляемыя любовію женщины, не такъ пріятны какъ

удовольствія, производимыя ея кокетствомъ, онъ предавался иногда глупому бѣшенству. Иногда, оставаясь безъ денегъ, онъ, вопреки своей совѣсти, помышлялъ о предложеніи Вопрена и о возможности обогатиться посредствомъ брака съ дѣвицею Тальферъ. Въ этотъ день, голосъ нищеты заговорилъ въ немъ такъ громко, что онъ почти невольно поддался хитроспящамъ ужаснаго сфинкса, кошораго взгляды наводили на него обаяніе.

Когда Поаре и дѣвица Мишоно ушли, Распиньякъ думая, что кромѣ ихъ двоихъ остаются въ комнатѣ только Г-жа Воке и Г-жа Купюръ, кошорая, дремля у камина, вязала себѣ шерстяныя рукава, взглянулъ на Викшорину такъ нѣжно, что она потушила глаза.

— Вы что-то печальны, Г. Распиньякъ, сказала Викшорина.

— У кого нѣшъ своего горя сударыня! опвѣчалъ онъ. Впрочемъ мы, молодые люди, вѣроятно никогда бы не печалились, если бы могли бышь увѣрены, что насъ любяшъ, съ преданностию, копорая бы наградила насъ за наши пожертвованія.

Вмѣсно опвѣша, Викторина бросила на него взглядъ, копорый былъ не двусмыслень.

— На примѣръ вы, сударыня, вы увѣрены въ своемъ сердцѣ сегодня: но можете ли вы опвѣчать за него навсегда?

На устахъ бѣдной дѣвушки появилась улыбка, какъ-бы лучъ, вырвавшійся изъ души, и лице ея шакъ просвѣплъло, что Евгеній испугался произведши споль сильный взрывъ чувства.

— Если бы вы, напримѣръ, получили завпра огромное, неожиданное наслѣдство, неужели-бы вы по прежнему любили бѣднаго молодого человека, который нравился вамъ во время вашего бѣдственнаго положенія?

Она мило кивнула головой.

— Молодаго человека очень бѣднаго и несчастнаго!

Она повторила пошль же знакъ.

— Чшо вы за вздоръ шупшь говорите? вскричала Г-жа Воке.

— Осшавьте насъ въ покоѣ, ошвѣчалъ Евгений, мы другъ друга понимаемъ.

— О, шакъ баронъ Евгений, Расшненькъ всшупаетъ въ бракъ съ дѣвицею Викшориною Тальферъ! сказалъ Вопренъ грубымъ своимъ голосомъ, явившись вдругъ въ дверяхъ споловой.

— Фу, какъ вы меня испугали! сказали вмѣстѣ Г-жа Воке и Г-жа Купшюръ.

— Чшо жь! выборъ былъ бы я думаю, не дурень, сказалъ смѣясь Распиньякъ, на котораго голосъ Вопрена произвелъ самое жестокое ощущеніе, какое онъ въ жизнь свою испыталъ.

— Эти шушки не приличны, господа, сказала Г-жа Купшюръ. Викшорина, пойдѣмъ въ нашу комнапу.

Г-жа Воке пошла за своими жильцами, чшобы сберечь свѣчу, проведя вечеръ у нихъ, а Евгеній оспался лицомъ къ лицу съ Вопреномъ.

— Я знаю, что у васъ до того дойдешъ, сказалъ онъ, сохраняя неизмѣнное хладнокровіе. Но послушайте: я совѣспенъ, какъ и другой. Я не хочу принуждать васъ. Не рѣшайтесь пошчасъ; вы не въ

спокойномъ расположеніи духа. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы не спрасль, не опчаяніе, а разсудокъ заспавиль бы васъ сблизилсь со мною. Не надобно ли вамъ, можеть - бышь, нѣсколько тысячъ франковъ? Хотите, я дамъ вамъ ихъ?

Демонъ соблазнилсь вынулъ изъ кармана портфель, взялъ изъ него шри банковыхъ билеша, и показалъ ихъ Евгению. Расшиньякъ былъ тогда въ самомъ жеспокомъ положеніи. Онъ долженъ былъ Г. Ажудъ и Г. Траю двѣ тысячи франковъ, проигранныхъ на слово, и, не имѣя ихъ, не смѣлъ ѣхать на вечеръ къ графинѣ Ресго, гдѣ его ожидали. Это былъ одинъ изъ шѣхъ проспыхъ вечеровъ, на кошорыхъ шолько пьютъ чай и ѣдятъ пирожки, а проигрываютъ въ виспъ по десяти тысячъ франковъ.

— Г. Вопирень! сказалъ Евгеній, съ шрудомъ скрывая судорожную дрожь, пробѣжавшую по всѣмъ его членамъ: вы можете вообразить, что послѣ того, что вы мнѣ говорили, мнѣ непріятно было бы считать себя обязаннымъ вамъ. . . .

Сказали ли вамъ правду? Мнѣ бы досадно было, еслибъ вы отвѣчали иначе. Вы прекрасный молодой человекъ, благородный, горды какъ левъ и крошкѣй какъ красная дѣвушка. Вы были бы вкуснымъ глоткомъ для чорна. Я люблю въ молодыхъ людяхъ это качество. А вы видно считаете меня негодяемъ, когда вамъ совѣстно быть мнѣ обязаннымъ? Нужды нѣтъ. Между шѣмъ человекъ, который былъ честенъ не менѣе того, какимъ вы себя считаете, Тюрень, не совѣстился имѣть дѣла съ разбойниками. Вы не хотите быть мнѣ обя-

занвымъ? Ну такъ вошь, сказалъ онъ, улыбаясь и вынимая изъ кармана гербовую бумагу: напишите шупь: »Я ниже подписавшійся занялъ у такого-то при тысячи пашь сошь франковъ, — обязуюсь уплатить оные въ печеніи одного года, безъ проценшовъ« — и подпишите число. Проценшы здѣсь включены, и довольно велики для шого, чшобы успокоить вашу совѣснь. Такимъ образомъ вы можете называть меня жидомъ, и ни сколько не считаешь себя обязаннымъ мнѣ. Я даже позволяю вамъ покуда презираешь меня: я знаю, что вы современемъ будете меня любить!

— Чшо жь вы за человекъ? Вы, кажешся, рождены на шо, чшобы меня мучить, сказалъ Евгеній.

— Нѣшь, я шолько хочу забрызгаться грязью, для шого, чшобы

ВЫ БЫЛИ ЗАЩИЩЕНЫ ОПЪ НЕЯ НА ВСЮ ОСПАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ ВАШУ. ВЫ СПРОСИТЕ МЕНЯ: ЧПО ЖЪ ЭПО ЗА НЕПОСПИЖИМАЯ ВРЕДАНОСНЪ? КОГДА ПИБУДЪ Я СКАЖУ ВАМЪ ЭПО ПО СЕКРЕШУ. Я СНАЧАЛА ИСПУГАЛЪ ВАСЪ; НО ЭПО ПРОЙДЕШЪ, КАКЪ СПРАХЪ РЕКРУША НА ПОЛЪ СРАЖЕНІЯ. СПРАННОЕ ПОЛЬКО ДЪЛО, ЧПО Я ПРЕДЛАГАЮ ВАМЪ БОГАШСТВО ЗА ОДИНЪ ЗНАКЪ ГОЛОВОЮ, И ВЫ НЕ РЪШАЕШЕСЬ НА ЭПОШЪ ЗНАКЪ. КАКОЙ НЫНЧЕ СПРАННЫЙ ВЪКЪ!

Евгеній написалъ росписку и взялъ банковые билеты.

— Ну, теперь поговоримъ шолкомъ, сказалъ Вошренъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ бы хопѣлось опсправиться въ Америку, сажашъ, шабакъ; я вамъ пришлю сигаръ. Если у меня дѣшей не будешъ, — чпо впрочемъ, вѣрояшно, — я вамъ опкажу все свое имѣніе. Видано ли эша-

кая дружба? что дѣлать! Я страхъ люблю васъ. У меня спросишь жершвованъ собою другимъ. Я ужь эшо не разъ дѣлалъ. Дѣло въ томъ, что я парю въ споронъ болѣе возвышенной, чѣмъ другіе. На дѣла а сморю какъ на средства, и думаю объ одной только цѣли. Человѣкъ для меня или все или ничего. Онъ меньше чѣмъ клопъ, если онъ Поаре. Но онъ существо возвышенное, когда походишь на васъ; онъ уже тогда не машина обшпанная кожею; онъ шеплетъ, на копоромъ движущаяся самыя прекраснѣйшія чувствованія, а я живу только для чувствованій.

Вопренъ ушелъ, чтобы не дать времени Евгению опвѣчать оприцателью. — Дѣлай онъ что хочешь, а я не женюсь на Викшоринъ! сказалъ про себя Распиньякъ.

Помучившись внутреннею лихорадкою, копорую причинила ему мысль, что онъ вступилъ въ связь съ этимъ человекомъ, котораго гнушался, но копорому самый цинизмъ идей, его придавалъ необыкновенное выраженіе, Евгений одѣлся, послалъ за карепою, и поѣхалъ къ графинѣ Ресно. Съ тѣхъ поръ времени Анастасія снанивалась чрезвычайно ласковою къ молодому человеку, котораго каждый шагъ въ большемъ свѣтѣ былъ новымъ успѣхомъ, и копорый, какъ она полагала, долженъ пользоваться со временемъ чрезвычайно сильнымъ вліяніемъ. Онъ расплатился съ Гг. Ажудою и Тралемъ, провелъ часъ ночи за виспомъ, и опыгрался. Суевѣрный, какъ большая часъ людей, копорымъ надобно пробить себѣ дорогу въ свѣтъ и копорые всѣ болѣе или менѣе фанатисты,

онъ воображалъ, что судьба награждаетъ его счастьемъ за то, что онъ еще не соврапился съ истиннаго пупи. На другой день ушромъ онъ спросилъ у Вопрена свое засное письмо, и расплапился съ нимъ, изъясляя очень еспешивное удовольствіе.

-- Все идетъ хорошо! сказалъ Вопрень.

— Но я не сообщникъ вашъ, возразилъ Евгеній.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Вопрень, прерывая его. Вы еще ребячипесь, запрудняепесь пуспяками.

Дня черезъ два послѣ того, Г. Поаре самецъ мамзель Мишоно, мамзель Мишоно, самка Г-на Поаре, погулявъ, по обыкновенію своему въ Бопаническомъ саду, сидѣли на солнцѣ въ одной уединенной аллеѣ

и полковали съ шѣмъ самымъ человекомъ, копорый не напрасно казался Біаншону подозрительнымъ.

— Не понимаю, сударыня, говориль Г. Гондюро, чего шупъ совѣспишья, Его превосходительство. . . .

— О какъ скоро Его Превосходительство! . . . какъ скоро Его Превосходительство. . . шакъ эпо дѣло совѣмъ другое. . . !

— Вы слышите сударыня, какъ здраво судить вашъ пріятель, копорому вы очень можете повѣринь. Ну, шакъ Его Превосходительство шеперь совершенно увѣренъ, что вашъ Вопренъ не кто иной, бакъ убѣжавшій изъ Тулона кашоржникъ, Жакъ Колленъ. Эпо человекъ необыкновенный и весьма опасный: поварищи прозвали его — Надуль-Смершь,» пошому что онъ всегда

умѣспъ уверпушься опъ гильошины, какъ бы ни проказничаль. Впрочемъ, нѣкошорые даже уважали его за пошь поспупокъ, по кошорому онъ былъ приговоренъ къ кашоргъ. . . .

— Такъ онъ, видно, честный человекъ, сказалъ Поаре.

— Честный по своему. Онъ принялъ на себя чужое преспуление, подлогъ, сдѣланный однимъ молодымъ Ишалиянцемъ, кошораго онъ очень любилъ. Эпошь Ишалиянецъ былъ спрасивный игрокъ; онъ послѣ вспунилъ въ военную службу и выслужился; онъ шеперь полковникъ, и большой другъ Вошрену.

— Но если его превосходишельство увѣренъ, что Вошренъ почно пошь самый Надуль - Смерпъ, или Жакъ Коллепъ, какая же ему надобношь во мнѣ? сказала Мишоно.

— Да прибавилъ Поаре : если его превосходишь ешь, какъ вы изволили говорить убѣжденъ, что его смерть надула.

— Убѣжденъ, не лъзя сказать; мы только догадываемся, полагаемъ. Жакъ Колленъ пользуется полною довѣренностью всѣхъ кашоржниковъ. Онъ ихъ агентъ и банкиръ. Это доставляетъ ему большіе барыши. Кашоржники вѣряютъ ему свои капиталы, Вошренъ бережетъ ихъ, отдаетъ на проценты, и выплачиваетъ имъ, которыми удаются убѣжать съ кашорги, или ихъ семейству по завѣщаніямъ, или ихъ любовницамъ. Вы понимаете, сударыня, что правительству весьма нужно, овладѣть этимъ незаконнымъ банкомъ, въ которомъ говорится, хранятся большія суммы. У Коллена очень много денегъ, попо-

му что онъ хранишь не только деньги капоржниковъ, но и капиталы десяти тысячъ. . . .

— Десяти тысячъ разбойниковъ! вскричалъ испуганный Поаре.

— Нѣтъ, обществу десяти тысячъ: оно компанія высшихъ воровъ, людей, которые занимаются важными дѣлами и не вмѣшиваются въ въ предпріянія, въ которыхъ не лзя добыть десяти тысячъ франковъ. Общество это состоитъ изъ всѣхъ порядочныхъ негодяевъ, подлежащихъ вѣдѣнію уголовныхъ судовъ. Они очень хорошо знаютъ законы, и распоряжаются такъ, чтобы смертная казнь на нихъ не простиралась, если бы имъ случилось попастьъ въ руки полиціи. Колленъ ихъ совѣтникъ и повѣренный. Располагался огромными средствами, онъ составилъ себѣ собственную свою полицію, и

имѣешь чрезвычайно обширныя связи, копорыя прикрываешь глубочайшею шайною. Съ годъ уже какъ мы окружили его шпионами, но до сихъ поръ не можемъ подсперечь. Касса эшого человѣка плашитъ пороку, доставляетъ капиталы пресшупленію, и содержишь цѣлую армію негодяевъ, копорыя сосшоятъ въ непрерывной войнѣ съ публикой. Захватишь молодца Надуль-Смерть и овладѣешь его банкомъ, значишь пресъчь зло въ самомъ корнѣ. За шо эшо шеперь дѣло государственное, дѣло высшей политики, копорое принесетъ величайшую честь шому, кто будетъ содѣйствовать благополучному его окончанію. Если бы вы помогли намъ, сударь, шо могли бы снова вступитъ въ службу, сдѣлашься ъ напрымѣръ кваріпальнымъ секретша-

ремъ при полиціи, не теряя междушѣмъ и своей пенсіи.

— Да чшожь эпошъ Надуль-смершь не убъжишь съ своей кассой? сказала Г-жа Мишоно.

— Какъ эшо можно! Да за нимъ вездѣ будешь слѣдоваши какой нибудь членъ ихъ общесства, кошорый наконецъ убьешъ его. При шомъ кассу увезши не шакъ легко, какъ дѣвушкѣ. Да кромъ шого, Колленъ ни когда не захочешъ обезчеспить себя подобнымъ поступкомъ.

— И шочно, сударь, онъ никогда не захочешъ обезчеспить себя подобнымъ поступкомъ, сказалъ Поаре.

— Я все шаки не понимаю, почему вы прешо не захвапише его, сказала дѣвица Мишоно.

— Я сей часъ вамъ объясню эшо. Жакъ Колленъ хищеръ, онъ припворяешся порядочнымъ человѣкомъ;

всѣ его уважающъ, и пошому его не лзя пронущъ, не одумавшись. Если бъ мы ошиблись, - если бы Вопренъ былъ не Колленъ, а мы бы между шѣмъ его взяли, все шорговое сословіе и общеспвенное мнѣніе поднялись бы прошивъ Его превосходительсшва; газетшы подняли бы ужаснѣйшій шумъ и враги Его превосходительсшва воспользовались бы эшимъ случаемъ, чшобы сполкнушь его съ мѣсша. Здѣсь надобно поступашъ шочно шакъ же, какъ въ дѣлѣ Коньяра, ложнаго графа Сеншъ - Эленскаго. Хороши бы мы были, если бъ оказалось, чшо онъ шочно графъ Сеншъ - Эленскій! Чшо бы не ошибиться, надобно было подвесши справку. Мы подвели справку посредспвомъ одной женщины.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, они условились на шомъ, чшо мамзель Мишоно, за при шы-

сячи Франковъ, подведешъ справку, почно ли Вопрень шопъ самый Жакъ - Коллень - Надуль - Смерть; шолько напередъ она пойдеши по совѣшовашися съ своимъ пріятелемъ, аббапомъ, и даси Г-ну Гондуро опвѣсти въ назначенномъ имъ мѣстѣ, позволитъ ли си аббашъ приняшися за это дѣло.

Біаншонъ въ это время шелъ съ лекціи Г-на Кювье и услышалъ — »Надуль - смерть,« — послѣднія слова знаменишаго начальника сыщиковъ, Г. Видока, который выдавалъ себя за Гондуро. Это странное названіе чрезвычайно его поразило. Онъ рѣшился разспроситъ объ немъ у мамзель Мишоно, при первомъ свиданіи съ ней за обѣдомъ.

Чтожь вы съ нимъ не рѣшились? сказала Поаре дѣвицъ Мишоно. Въдъ при шысячи Франковъ, это

приспа Франковъ пожизненнаго дохода!

— Обь эпомъ надобно еще подумать! ошвѣчала Мишоно. Ёсли Г. Вопрень почно Жакъ Коллень, то можешъ бышь выгоднѣе сдѣлаться съ нимъ, чѣмъ съ полиціей. Впрочемъ, если я его предувѣдомлю и пошребую съ него денегъ, онъ пожалуй, убѣжитъ даромъ. Эпо было бы жестоко.

— Да хоть вы его и предувѣдомише, сказалъ Поаре, пакъ вѣдь эпошъ господинъ говорилъ намъ, что за нимъ присмаприваюшъ. Тогда его все - таки поймаюшъ, а вы ничего не получише.

— При шомъ же, подумала дѣвица Мишоно, я и не люблю его. Эпошъ человекъ не скажешъ мнѣ учпиваго слова!

Въ домъ Г-жи Воке происходила въ поже время другая занимательная сцена. Въ это утро Г-жа Шюсигенъ совершенно привела Распиньяка въ опечаленіе. Въ душѣ онъ уже предался Вопрену, не размышляя ни о причинахъ дружбы къ нему этого чловѣка, ни о будущности, которую готовилъ ему подобная связь: только чудо могло извлечь его изъ пропасти, въ которую онъ спустилъ уже одной ногою. Въ это самое время онъ обмѣнивался съ дѣвицею Тальферъ самыми важными обѣщаніями. Викторина воображала, что слышитъ голосъ ангела. Домъ Г-жи Воке покрывался блестящими красками, которыми декораторы рисуютъ дворцы; она любила и была любима: такъ, по крайней мѣрѣ, она думала. И какая бы женщина на ея мѣстѣ этого не подумала, видя

Распиньяка, слушая его въ продолженіи цѣлаго часа, пошашено ошъ своихъ домашнихъ аргусовъ? Въ борьбѣ съ своею совѣстью, зная, что дѣлаешь дурно, увѣряя себя, что выкупишь эшошъ грѣхъ, осчащлививъ Викшорину, Евгенийъ украсился своимъ опчаяніемъ, и сіялъ всѣми огнями ада, кипѣвшаго въ душѣ его. Къ счасшію его, чудо дѣйсшвительно случилось. Вопрентъ вдругъ вошелъ съ веселымъ видомъ въ комнату, и однимъ взглядомъ проникъ въ душу Евгенія и Викшорины; но разогналъ ихъ благополучіе, запѣвъ своимъ грубымъ, насмѣшливымъ голосомъ :

Мила моя Фаншетта,
Въ обычной простотѣ . . .

Викшорина убѣжала, унося въ душѣ сколько блаженства, сколько вышерпѣла во всю жизнь свою злополучія. Бѣдная дѣвушка! Пожащіе

руки, прикосновеніе волосъ Рас-
піньяка къ щекѣ ея, нѣсколько
словъ, сказанныхъ такъ близко
ошъ ея уха, что она чувствовала
жаръ губъ Евгенія, поцѣлуй въ шею,
были залогамн ея спроснн, залогамн
тѣмъ болѣе драгоценными, что
Сильвія, кошорая была подлѣ въ
споловой, могла каждую минушу
войдти и помѣшашъ имъ.

— Дѣло слажено! сказалъ Вош-
ренъ Евгенію. Наши молодцы со-
шлись. Все обдѣлано какъ не лзя
лучше; они поспорили изъ - за по-
лишнческнхъ мнѣній. Голубокъ нашъ
оскорбилъ моего сокола. Они зав-
пра дерущся въ Клинъанкуръ. Въ
половинѣ девяшаго, Викшорнна на-
слѣдуешъ и любовь и богатнство
своего опца, покуда она, дурочка,
будешъ шущъ макашъ сухари въ
молоко. Эшо, право, презабавно. Го-
воряшъ, что молодой Тальферъ

славно дерется на шпагахъ; нужды нѣтъ: ему все таки кровь пуспятъ, я изобрѣлъ одну шпuku въ фехтованьи: надобно приподнять шпагу своего противника и колоть его прямо въ лобъ. Я вамъ покажу это, оно можетъ пригодиться при случаѣ.

Распичьякъ слушалъ въ какомъ-то ослепеніи, и не могъ вымолвить ни слова. Въ это время пришли старикъ Горю, Бланшонъ и нѣкоторыя другія жильцы.

— Такъ - то мнѣ и хотѣлось, чтобы вы были! сказалъ сказалъ Вошрентъ. Вы теперь знаете, что дѣлаете. О, молодой человекъ, вы пойдете далеко, потому что у васъ душа сильная и рѣшительная. Я испинно васъ уважаю.

Вошрентъ хотѣлъ пожать ему руку; но Распичьякъ съ ужасомъ

ее опдернулъ, и, блѣднѣя, упалъ на спуль: ему казалось, что у ногъ его лужа крови.

— Э! вы все еще ребенокъ. Вѣдь у папеньки - шо при милліона; я справлялся.

Распиныякъ принялъ добродѣтельное намѣреніе. Онъ рѣшился идти въ топъ же вечеръ предупредить обо всемъ Г. Тальфера и его сына. Въ эту минушу Вопренъ опошелъ, и Горіо сказалъ на ухо: Вы что - шо печальны, мой милый Евгеній! Пойдемше со мною, я васъ развеселю.

Онъ зажегъ фонарь, и они вышли вмѣстѣ.

Конецъ второй часши.